

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

КРИСТИ ГОЛДЕН

World Of Warcraft

Кристи Голден

**World Of Warcraft:
Военные преступления**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Голден К.

World Of Warcraft: Военные преступления / К. Голден —
«Издательство АСТ», 2019 — (World Of Warcraft)

ISBN 978-5-17-116389-1

Жестокая осада Оргриммара завершена. Силы Альянса и Орды свергли вождя Гарроша Адского Крика, одного из самых ненавистных орков Азерота. Его жажда завоеваний привела к опустошению городов, едва не расколола Орду и разрушила множество жизней в World of Warcraft. И вот теперь на легендарном континенте Пандария Гарроша будут судить за его преступления. Это историческое событие объединит лидеров фракций из разных уголков Азерота. Бронзовые драконы представят шокирующие доказательства зверств Гарроша, и эти видения прошлого разбудят болезненные воспоминания. Кто-то начнет сомневаться в собственной невиновности, а чья-то ненависть станет лишь сильнее. К тому же в игру тайно вступают некие загадочные силы. Они угрожают не только вынесению справедливого приговора, но и жизням всех тех, кто собрался, чтобы осудить военные преступления.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116389-1

© Голден К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	8
1	10
2	14
3	22
4	28
5	33
6	38
7	42
8	48
9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кристи Голден

World of Warcraft: Военные преступления

Посвящается экстраординарному историку Шону Коупленду – за его неизменную доброжелательность, оперативные и крайне полезные консультации, нескончаемый энтузиазм и поддержку моей работы. Спасибо, дружище!

Christie Golden

WORLD OF WARCRAFT: WAR CRIMES

© 2019 by Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved.

War Crimes, Diablo, StarCraft, Warcraft, World of Warcraft, and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc., in the U.S. and/or other countries.

All other trademark references herein are the properties of their respective owners.

* * *

Пролог

Дренор.

Родина орков и единственное место, которое Гаррош Адский Крик мог назвать домом. Он родился в покрытом зеленью Награнде, самом красивом месте Дренора. Именно там он пережил эпидемию красной оспы и склонил голову, стыдясь деяний своего отца, легендарного Громмаша Адского Крика. Гаррош винил его в том, что Дренор оказался во власти демонической магии, и даже стыдился носить имя Адского Крика до тех пор, пока Тралл, вождь Орды, не рассказал всю правду: пусть отец и принял проклятье первым, но именно он пожертвовал жизнью, чтобы положить ему конец.

Дренор... Гаррош не был здесь с того момента, как, исполнившись гордости и неистовой любви к Орде, отправился защищать Азерот, свой новый дом, от ужасной напасти – Короля-лича.

И вот теперь он, наконец, смог вернуться.

Однако этот Дренор мало напоминал прежний, пульсирующий энергией Скверны, населенный малочисленными и больными дикими зверьми. Нет, то был прекрасный мир его детства.

На мгновение Гаррош замер, повернувшись к солнцу, и глубоко вдохнул. Его легкие наполнились чистым свежим воздухом, а могучие плечи, покрытые такими же татуировками, как у отца, горделиво распрямились. Невероятно... просто невероятно.

И тут произошло нечто странное. Прямо на глазах у Гарроша из пустоты, из воздуха нереального Дренора, который вовсе не должен был существовать, возникла фигура отца. Громмаш Адский Крик улыбался, и кожа его была коричневой.

У Гарроша перехватило дыхание. На мгновение он перестал быть вождем, героем Орды, могучим воином и превратился в юнца, встретившего давно умершего родителя, которого не рассчитывал увидеть вновь.

– Отец! – вскрикнул Гаррош и упал на колени, пораженный видением. – Я вернулся домой, в наш родной мир. Прости, что сомневался в тебе!

На его плечо легла рука. Гаррош поднял взгляд на лицо Грома и продолжил, не в силах остановиться:

– Я совершил столько подвигов в твою честь. Меня любят в Орде. Мое имя вселяет ужас в сердца народов Альянса. Ты... ты это знаешь? Скажи, отец, ты гордишься мной?

Гром Адский Крик открыл рот, чтобы ответить, но тут откуда-то послышался металлический лязг, и видение исчезло. Гаррош Адский Крик проснулся, готовый к бою, как и всегда.

– Доброе утро, Гаррош, – послышался приятный голос. – Твой завтрак готов. Пожалуйста, сделай шаг назад.

Приди его тюремщики на мгновение позже, и Гаррош узнал бы ответ на вопрос, мучивший его всю жизнь. Вот бы придушить этого раздражающе спокойного пандарена, который прервал его сон!

Гаррош, одетый в робу с капюшоном, встал с лежанки, укрытой мехами, отошел как можно дальше от металлической решетки и восьмиугольных окон камеры, сияющих фиолетовым, и стал ждать с невозмутимым выражением лица. Волшебница в длинной мантии с цветочным узором сделала шаг вперед и начала читать заклинание. Свет в окнах померк, и она отступила, пропуская двух абсолютно одинаковых пандаренов-близнецов. Один из братьев

пристально следил за Гаррошем, а другой протолкнул в отверстие между полом и решеткой поднос с чашкой чая и выпечкой. Затем он встал и подал знак Гаррошу, предлагая забрать еду.

Орк не сдвинулся с места.

– Когда будет казнь? – спросил он без выражения.

– Твоя судьба еще не решена, – ответил один из близнецов.

Гаррош хотел разбить поднос с едой о решетку или, что еще лучше, сделать неожиданный выпад и стиснуть шею ухмыляющегося тюремщика прежде, чем волшебница успеет среагировать, однако вместо этого спокойно подошел к мехам и сел на них.

Волшебница активировала сдерживающий фиолетовый барьер, и три пандарена удалились, поднявшись по пандусу. Дверь за ними захлопнулась.

Твоя судьба еще не решена.

Что, во имя предков, это означает?

1

– Здесь так спокойно и красиво... Как это место может служить тюрьмой для подобного негодяя? – размышляла вслух леди Джайна Праудмур по пути к Храму Белого Тигра.

Вместе с синим драконом Калесгосом, предводительницей следопытов Верисой Ветрокрылой и королем Варианом Ринном она ехала в повозке, запряженной миролюбивым яком с чисто вымытым пушистым мехом. Как и подобает транспорту для высоких персон, изнутри повозка была украшена шелковыми подушками ярких цветов, однако пассажиры все равно то и дело чуть подпрыгивали, когда колеса попадали в выбоины на дороге.

– Он не заслуживает таких почестей, – согласилась Вериса и посмотрела на Вариана. – Ваше величество, зря вы не позволили Го'элу его убить. Это чудовище не заслуживает ничего, кроме смерти, и даже такая кара за его ужасные поступки была бы слишком милосердной.

Слова предводительницы следопытов были резкими, но Джайна не могла ее за это винить. Более того, она полностью разделяла чувства Верисы. Именно на Гарроше Адском Крике лежала ответственность за разрушение... Впрочем, нет, это слово казалось слишком мягким и не отражало весь ужас поступка. На нем лежала ответственность за хладнокровное *уничтожение* города-государства Терамор. Сотни смертей за какую-то жалкую секунду – и все это на его совести. Бывший вождь Орды обманом заманил несколько лучших генералов и адмиралов Альянса в Терамор, где они планировали военное наступление, предполагавшее честную битву. Однако вместо этого Гаррош сбросил на город мана-бомбу, усиленную артефактом, украденным у рода синих драконов. *Все* живое в радиусе взрыва погибло. Джайна покачала головой, пытаясь избавиться от ужасных воспоминаний о смерти близких. Отныне Джайна Праудмур больше никогда не сможет называть себя правительницей Терамора.

Легкое прикосновение к руке вернуло ее в настоящее. Джайна подняла взгляд на синего дракона Калесгоса, который стал ее единственной опорой в этом кошмаре. Если бы он не был в Терамор, чтобы просить Джайну о помощи в поисках Радужного Средоточия, они бы вряд ли сблизились. Так, война подарила Джайне возлюбленного, а у Верисы отняла любовь всей ее жизни – архимаг Ронин, который носил титул главы Кирин-Тора до Джайны, принял удар мана-бомбы на себя, пытаясь ослабить силу взрыва магией. Он буквально втолкнул Джайну в портал, чтобы спасти ей жизнь. Трагедию в Тераморе пережили только она, Вериса и ночная эльфийка Шандриса Оперенная Луна.

Предводительница Серебряного союза так и не оправилась (и вряд ли когда-нибудь оправится) от потери. Вериса всегда была сильной и чистосердечной, но теперь каждое ее слово сочилось ядом, а в душе царили горечь и ненависть, холодная, словно льды Нордскола. Хвала Свету, лед таял, когда она обращалась к своим сыновьям-близнецам Гирамару и Галадину.

Еще недавно Вариан не сумел бы сдержаться и впал в ярость, услышав, что Вериса открыто осуждает его решение. Теперь же он только сказал в ответ:

– Как знать, возможно, твое желание скоро исполнится, Вериса. Вспомни, что пообещал Тажань Чжу.

После того как Вариан остановил Го'эла (в прошлом – Тралла, бывшего вождя Орды и нынешнего главы Служителей Земли) и не дал ему замахнуться могучим Молотом Рока, судьба Гарроша оказалась в руках пандаренов – народа, которому доверяли и Альянс, и Орда и который пострадал от действий орка не меньше остальных. Тажань Чжу, глава Шадо-Пан, заверил всех, что Гаррош предстанет перед судом и справедливость восторжествует. И вот

теперь орк был заточен в темнице под Храмом Белого Тигра, где его стерегли день и ночь. Два дня назад лидеры фракций получили сообщение, переданное гонцом небожителя Сюэня: *«Ждем вас в моем храме. Там решится судьба Гарроша».*

И ничего больше.

Для всех лидеров Альянса сообщение было одинаковым. У подножия холма, по пути к храму, Джайна видела, как некоторые из них садились в такие же украшенные повозки. Королева-регент Мойра Тауриссан, одна из трех правителей дворфов, спорила с невозмутимым пандареном, раздраженно указывая на повозку. Очевидно, такой транспорт не подходил ее королевскому величеству.

– Нет, – между тем ответила Вериса. – Мы не знаем, что произойдет. Ясно лишь, что все это важно для небожителей. Почему нельзя просто долететь до храма? Зачем тратить время и трястись в этой повозке?

– Мы здесь по их приглашению, – сказал Кейлек. – Если они готовы ждать, пока мы доберемся таким способом, значит, и нам стоит проявить терпение. До храма не так далеко.

– Терпение истинного дракона, – ответила Вериса.

– Это моя сущность, – невозмутимо произнес Калесгос, совершенно не обидевшись на замечание.

«Да», – подумала Джайна. Она была рада тому, что Калесгос не изменяет себе, хоть им двоим еще во многом следовало разобраться.

Джайна попыталась устроиться поудобнее на расшитых подушках, чтобы насладиться неторопливой поездкой по извилистым тропам. Пандария – спокойный край невероятной красоты. На вишневых деревьях распустились розовые соцветья. Ветер качал ветви, и лепестки кружились в воздухе.

Дорога, между тем, устремила вверх. Показались первые ворота к храму, построенные с особым изяществом, – их охраняли статуи белых тигров. Повозка продолжала путь, а воздух становился все холоднее. Джайна радовалась теплу жаровен, расставленных вдоль дороги, и плотнее куталась в плащ. На земле сперва виднелся лишь тонкий слой снега, а затем, когда они поднялись выше, появились сугробы. Джайна ощутила нечто похожее на просветление и вдруг все поняла. Она прекрасно знала, что, читая заклинание, важно не терять концентрации и помнить о своей цели. И вот теперь небожители, кажется, давали им всем возможность войти в похожее состояние разума, но по-своему. Неторопливая поездка в гору, живописные пейзажи, красота и покой – все это позволяло Джайне и ее спутникам забыть о повседневных делах и к моменту прибытия очистить разум. Она вдохнула воздух, наполненный легким ароматом цветков вишни, и постаралась прогнать лишние мысли.

Они с Калесгосом сидели спиной к остальным, поэтому Джайна не видела, как зло скривилось красивое лицо Верисы и как сжались губы Вариана, когда повозка остановилась около первого веревочного моста. Движением, отточенным до автоматизма, Вериса потянулась к поясу и тут же сжала руку в кулак, вспомнив, что их попросили не брать в храм оружие.

– А *эти* что здесь делают? – прорычала она и тут же ответила на свой вопрос: – Впрочем, Гаррош их *бывший* вождь. Им тоже следует присутствовать при оглашении приговора.

Джайна развернулась и, оглядев двор храма, удивленно распахнула глаза: она слишком хорошо помнила тактику Гарроша в Тераморе, когда вождь собрал лучших стратегов Альянса в одном месте. Однако, кажется, лидеры Орды получили приглашения наравне с лидерами Альянса. В том числе и синекожий тролль Волджин, новый вождь и противник Вариана. Будет ли он лучше своего предшественника? А может быть, хуже? Имеет ли это хоть какое-то значение? Даже бывший вождь Тралл, которого теперь все называли данным при рождении именем Го'эл, не смог обуздать страсть Орды к насилию, хоть и пытался.

Джайна тут же нашла его взглядом среди других. Рядом с Го'элом стояла его жена Аггра с крошечным свертком в руках.

Это был их сын.

Джайна слышала, что Го'эл стал отцом. До нее также доходили слухи, что Агтра беременна вновь. Раньше ее непременно пригласили бы поддержать младенца на руках, но те времена давно прошли. Голубоглазый Го'эл оглядел толпу и встретился с ней взглядом, однако Джайна сразу же отвернулась, не в силах вынести нахлынувшие злость и горечь.

Чтобы отвлечься, она переключила внимание на таурена Бейна Кровавое Копыто, вышавшегося над всеми прочими. Бейн был единственным из лидеров Орды, кроме Го'эла, кого она могла назвать другом. Гаррош сперва убил его отца, Кэрна, а затем подстроил нападение тауренов из племени Зловещего Тотема на Громовой утес. Не дождавшись поддержки от Орды, Бейн обратился за помощью к Джайне, и та с радостью помогла ему одолеть Магату. Таурен не остался в долгу и предупредил ее о готовившейся атаке на Термор. Разумеется, Бейн предполагал, что это будет обычная битва. Он ничего не знал ни об украденном Радужном Средоточии, ни об ужасающем плане Гарроша. Джайна считала, что долг был уплачен.

Она разглядела в толпе и других лидеров: Лор'темара Терона, предводителя эльфов крови, с которым недавно, пусть и нехотя, вела переговоры, и мерзкого торгового принца гоблинов Джастора Галливикса в привычном нелепом цилиндре.

Как только Джайна и ее спутники вышли из повозки, их поприветствовал пандарен в традиционной одежде монахов.

– Дорогие гости, – произнес он, – мы вам рады. В этом храме пройдет первая мирная встреча *всех* правителей Азерота. Обещаете ли вы придерживаться правил и не вступать в конфликт?

– Мне казалось, мы собрались ради правосудия, – начала Вериса, но Джайна коснулась ее руки, и та замолчала.

После убийства мужа Вериса тянулась к Джайне. Казалось, только нынешней главе Кирина-Тора было под силу усмирить ее жгучую ненависть к Орде.

– В наших сердцах нет мира, – обратилась к монаху Джайна. – Только боль, ярость и жажда правосудия, как и сказала Вериса. Тем не менее я обещаю, что не стану применять силу.

Все остальные ответили похожим образом, хотя Верисе, кажется, это далось нелегко. Затем пандарен пригласил их проследовать по шатающемуся веревочному мосту и огромной парадной лестнице, ведущей на арену.

У входа в храм стояла пандаренка Аиса Воспевающая Облака, присоединившаяся к Альянсу одной из первых. Ей кланялись все входящие, в ответ получая полный радости взгляд. Аиса обосновалась в Штормграде некоторое время назад, и с тех пор Джайне так ни разу и не удавалось с ней увидеться.

– Я знала, что вы придете, – сказала Аиса, поклонившись каждому из путешественников. – Спасибо.

– Аиса, – обратился к ней Вариан, – не могла бы ты объяснить, что происходит?

– Я знаю только, что на эту мирную встречу были приглашены лидеры Альянса и Орды. Августейшие небожители приняли какое-то решение, – ответила пандаренка. – Прошу вас, храните молчание в храме. Встаньте рядом со своими соратниками слева, в центральной части. Небожители придут совсем скоро.

Мелодичный голос Аисы звучал выше, чем обычно, выдавая напряжение и волнение. Плохой знак, но все прибывшие лишь согласно кивнули.

Джайна тихо спросила:

– Здесь ли Цзи?

Аиса в ответ даже покачулась. В отличие от нее Цзи Огненная Лапа стал первым пандареном, вставшим на сторону Орды. Их пути разошлись, но затем Гаррош ополчился на Цзи и едва не казнил его. Двое пандаренов были очень близки, это очевидно, но никто не знал, как их отношения развивались сейчас.

– Он здесь, – ответила Аиса. – Мы ценим каждую секунду, проведенную вместе.

Больше она ничего не сказала, а Джайна решила не давить. Она надеялась, что суд откроет Цзи глаза и тот осознает: Орда – плохой союзник.

Храм Белого Тигра был огромен. На просторной арене, располагавшейся в его центре, под надзором самого Сюэня проходили тренировки монахов-пандаренов, которые стремились стать мастерами боевых искусств. Несмотря на внушительные размеры, храм не производил на посетителей гнетущего впечатления. Возможно, потому что сюда приходили посмотреть не на смерть, а на проявление мастерства.

Вход на арену располагался в южной части храма, прямо напротив огромного трона, освещенного стоявшими по бокам жаровнями. В западной, северной и южной частях висели знамена. Пол был украшен узором из шести внушительных бронзовых кругов. Седьмой круг с небольшими углублениями имел больший диаметр и располагался посередине. Зал освещался яркими фонарями, висевшими на потолке, и лучами солнца, пробивавшимися через открытые двери.

Многие уже заняли свои места. Сын Вариана, принц Андуин, шагнул навстречу прибывшим и обнял отца. Джайна была рада, что напряжение ушло и теперь они относятся друг к другу с теплотой, ведь еще недавно Вариан и Андуин переживали трудные времена. Андуин пробыл в Пандарии дольше остальных. Он многозначительно приложил палец к губам, и все согласно кивнули.

Молча они подошли к верховной жрице Тиранде Шелест Ветра, представительнице народа ночных эльфов, и Шандрисе Оперенная Луна, генералу армии Часовых. Мудрый лидер дренеев Велен, друг и учитель Андуина, склонил голову в знак приветствия. Принц встал с ним рядом, а остальные разместились неподалеку. Генн Седогрив, король Гилнеаса, вошел в зал вместе с Главным механиком Гелбином Меггакрутом. Вслед за ними прибыли три правителя королевств дворфов: Мойра Тауриссан, Мурадин Бронзобород и Фалстад Громовой Молот.

Седогрив предстал в обликии воргена, что говорило о многом. С одной стороны, он стремился показать представителям Орды, что некоторым народам Альянса не чужды первобытные инстинкты, а с другой, демонстрировал союзникам, что не стыдится своей природы.

В правой части арены собрались лидеры Орды. Джайна разглядывала их, поджав губы. Го'эла сопровождал его старинный друг и советник Эйтригг, а также еще один старейшина орков, с которым Джайна была хорошо знакома, – Варок Саурфанг. Его сын Дранош погиб у Врат Гнева, был воскрешен Королем-личом и вновь убит, на этот раз навсегда. Под маской закаленного в битвах воина Варок скрывал горе отца, оплакивавшего любимого сына.

Джайна услышала судорожный вдох Верисы и проследила направление ее взгляда.

В Храм Белого Тигра вошла еще одна участница суда над Гаррошем. Ее можно было бы принять за эльфийскую лучницу, стройную и грациозную, если бы не болезненный сине-серый оттенок кожи и горящие неугасимым красным пламенем глаза.

То была Сильвана Ветрокрылая, Темная Госпожа Отрекшихся и сестра Верисы.

2

Для Бейна Кровавое Копыто Пандария была вторым местом после Мулгора, которое дарило покой и разуму, и сердцу. Будучи воином, он уважал мастерство и искусство тех, кто сражался в храме Сюэня. Но все же Бейн никак не мог избавиться от внутреннего беспокойства.

Многие не согласились бы с этим утверждением, однако первыми из народов Орды от рук Гарроша пострадали таурены. Они до сих пор оплакивали смерть великого Кэрна Кровавое Копыто, горячо любимого отца Бейна. Бейн не сомневался, что из честной битвы, какой и должна быть Мак'гора, Кэрн вышел бы победителем. Вождь Кровавое Копыто погиб не от мощного удара, а от яда, нанесенного на топор Гарроша без ведома последнего.

Однако Гаррош знал, что Магата, та самая шаманка, которая «благословила» его оружие, была предательницей своего народа. Не стоило доверять той, кто не чтит своих корней! Так из-за коварного замысла погиб благороднейший представитель племени тауренов. Хоть Гаррош и не был повинен в этом предательстве, его дальнейшее падение во тьму, которое привело к ужасающим злодеяниям, казалось неизбежным. За уничтожением Терамора – событием, до сих пор преследовавшим Бейна в кошмарах, – последовало нападение на Вечноцветущий дол, что также сильно задело таурена, глубоко почитавшего Мать-Землю.

Вечноцветущий дол, невероятно красивое место, полное жизни и гармонии, было создано самими титанами. После победы над древней расой могу ворота в город запечатали. Вход хорошо охранялся, и представители Орды и Альянса получили доступ к этой территории лишь недавно. Бейн с горечью осознал, что Гаррош, ослепленный жадой власти, почти сразу же ее разрушил, стерев с лица земли то, что хранилось нетронутым на протяжении тысячелетий. Оказалось, что Вечноцветущий дол не так уж и вечен. Несмотря на то, что окончательная победа над ша принесла с собой надежду на возрождение и новую жизнь, от некогда прекрасного места остались лишь воспоминания.

Бейн доверял небожителям. Он не сомневался в их мудрости и честности. Тогда откуда это волнение?

– Однажды я сказал Гаррошу, что он будет знать, чья стрела пронзит его черное сердце. У тебя тоже на него зуб. Или клык – кому что ближе.

Бейн вздрогнул. Вол'джин подошел так тихо, что тот даже не услышал его шагов.

– Ты прав, – согласился Бейн. – Отец всегда учил следовать идеалам чести и справедливости. Это плохо сочетается с тем, что я надеюсь сегодня увидеть.

Вол'джин кивнул.

– Как говорят на Хмельном фестивале, вставай в очередь, – усмехнулся он. – Но, если мы хотим начать все с чистого листа, придется поступать так, как говорит Вариан. Гаррош всем причинил много боли. Если сделать из него мученика, остальные орки выйдут на тропу войны. Каким бы ни было решение небожителей, противоречить ему не стоит.

Бейн взглянул на Го'эла, Эйтригга и Варока Саурфанга. Го'эл взял у Аггры своего сына Дурана и теперь бережно и крепко держал его на руках. Бейн знал, что бывший вождь Орды, потерявший своего отца на войне, принимает активное участие в воспитании ребенка. Эта картина тронула таурена и напомнила о Кэрне, который всегда был рядом. Отцы и сыновья... Гром и Гаррош, Кэрн и Бейн, Го'эл и Дуран, Артас и Теренас Менетилы, Варок и Дранош

Саурфанги. Еще одно напоминание от Матери-Земли: некоторые связи настолько сильны, что несут в себе или великое добро, или страшное зло.

– Надеюсь, ты прав, – сказал Бейн Вол’джину. – Го’эл сделал Гарроша вождем, и Саурфанг очень зол на него из-за этого.

Вол’джин пожал плечами:

– Это же орки. Честь для них не пустой звук. Я бы лучше волновался из-за *нее*. В Темной Госпоже злости хватит на всех. И она, и ее ненависть сотканы из льда.

Бейн взглянул на Сильвану, стоявшую в гордом одиночестве. Большинство лидеров прибыло на встречу в сопровождении видных представителей их народов. Бейн взял с собой Кадора Облачная Песня, шамана, который поддержал его в самые темные времена, и Перита Штормовое Копыто, своего доверенного скорохода. Сильвана же нигде не появлялась без валь’кир, нежити, которая когда-то служила Артасу и теперь присягнула на верность ей. Но, похоже, на этот раз королева Отрекшихся решила, что обойдется без мудрых советов, ведь ей, великой и яростной Темной Госпоже, не нужно разрешение, чтобы увидеть смерть Гарроша.

Бейн бросил взгляд на другую сторону арены. Там собирались представители Альянса. Он заметил юного Андуина и леди Джайну, с которой некогда сидел за одним столом – это воспоминание вызвало у Бейна грустную улыбку. Рядом с ней стояла смутно знакомая высшая эльфийка, на этот раз живая. Скорее всего, то была Вериса Ветрокрылая, сестра Сильваны и пропавшей Аллерии.

Похоже, сегодня призраки прошлого будут терзать всех присутствующих.

В дверях возникли четыре фигуры, освещенные солнцем. Бейн хотел услышать вердикт, а потому ждал небожителей. Но при их появлении мех на его руках все равно встал дыбом, и на душе вдруг стало легче. Сердцем вождь тауренов чувствовал, что появившиеся на арене создания – Августейшие небожители, однако узнать их в нынешнем облики было непросто. Прежде божества Пандарии предпочитали воплощаться в животных, но на этот раз, вероятно, сделали исключение.

Красный Журавль Чи-Цзи, вселяющий надежду, выбрал облик стройного эльфа крови с длинными алыми волосами и сложенными за спиной крыльями, которые Бейн сперва принял за золотистый плащ. Сюэнь, Белый Тигр, хозяин этого храма, воплотился в человека с волосами и бледно-голубой кожей, украшенными узором из черных и белых полос. Мощь небожителя проявлялась в каждом плавном движении. Черный Бык Нюцзао предстал перед смертными в облики таурена, что приятно поразило Бейна. Голубоглазый небожитель повернул голову, увенчанную белой гривой, и осмотрел присутствующих. При каждом шаге звон его сверкающих копыт рождал эхо. Бейну показалось, что мудрая Нефритовая Змея Юй-лун сделала самый неожиданный выбор, представ в облике пандаренского детеныша. Стоило ему так подумать, как Юй-лун посмотрела на него своими лиловыми глазами и улыбнулась. «Истинная мудрость», – решил про себя Бейн. Нефритовая Змея воплотилась в нежное и милое создание, к которому тянутся все вокруг.

Четыре небожителя направились в северную часть арены, где обычно восседал на своем троне Сюэнь. Разум Бейна очистился. Он ощутил покой, которого в последнее время так не хватало. Он выдохнул и на мгновение закрыл глаза, испытав благодарность хотя бы за то, что небожители почтили это место своим присутствием.

Все замерли в ожидании вердикта.

Однако небожители молчали. Вместо этого они повернулись к миниатюрной фигуре, только что вошедшей в храм.

Вновь прибывший был одет в кожаную броню с изображением рычащего белого тигра на правом плече. Из-за широкополой шляпы и повязки, скрывавшей лицо, его было непросто узнать, но все собравшиеся и так понимали, кто это. Тажань Чжу, глава монахов Шадо-Пан, неловко поклонился, скривившись от боли, и подошел к кругу в центре арены с грацией, кото-

рую было бы трудно ожидать от пандарена его возраста и комплекции. Он поклонился вновь, на этот раз каждому из четырех молчаливых небожителей, а затем оглядел присутствующих.

– Добро пожаловать! Сегодня я буду говорить от лица небожителей, – начал Тажань Чжу. – Мы рады каждому и смиренно приветствуем вас от всего сердца. Прошу, оглянитесь вокруг. Никому в этом мире еще не доводилось наблюдать такую картину. Сегодня сюда прибыли и лидеры Орды, и те, кто представляет народы Альянса. Ни у кого из вас нет оружия. Кроме того, я распорядился, чтобы в храме было размещено подавляющее поле – оно не позволит использовать магию и ту энергию, которую вы называете Светом. Вы собрались здесь по одному и тому же поводу, но вам доводилось объединять усилия ради общей цели и раньше. Прошу, окиньте взглядом своих преданных друзей и достойных врагов.

Сначала Бейн посмотрел на Андуина, прекрасно зная, что на его лице не увидит ненависти. Затем – на грозных дворфов и покрытого шерстью Генна Седогрива. Вериса стояла, стиснув зубы и сжав миниатюрные, но сильные руки в кулаки. Бейн перевел взгляд на Джайну и подумал, знает ли волшебница, как легко прочесть на ее лице грусть и гнев. Созерцание затягивалось, и Бейн заметил, что одни расслабились, а другие начали проявлять нетерпение. Такая картина наблюдалась и в рядах Орды, и в рядах Альянса.

Тажань Чжу продолжил:

– Под нами в тщательно охраняемой темнице содержится пленник, чью судьбу вы жаждете узнать. Гаррош Адский Крик.

После этих слов Бейн замер и шумно сглотнул. В воздухе ощущались напряжение, ярость, страх и нетерпение. Но безмятежный монах не торопился.

– Вам сказали, что сегодня решится судьба Гарроша Адского Крика. Это правда, небожители не лгут. Однако они не рассказали всего. После обсуждения и медитации небожители решили, что не должны судить Адского Крика единолично. От его действий пострадали не только жители Пандарии, – Тажань Чжу прижал лапу к животу, куда не так давно вонзилось лезвие Кровавого Воя. – А значит, вы тоже должны участвовать в принятии решения. Вина Гарроша Адского Крика не вызывает сомнений, и, тем не менее, мы проведем честный и открытый суд с участием представителей Орды и Альянса, который определит его судьбу. Быть может, приговор окажется более мягким или же будет отменен вовсе.

В зале стало шумно. Бейн не мог определить, кто кричал громче – Орда или Альянс.

– Суд? Он хвастался своими злодеяниями!

– Гаррош заслуживает смерти! Он столько убил!

– Давайте судить *всю* Орду!

– Мы и так знаем, что он сделал. И весь мир знает!

Сюэнь едва заметно прищурился.

– *Тишина в моем храме!* – его чистый голос звенел, словно колокол, и разил, как острый меч.

Никто не осмелился ослушаться этого приказа. Удовлетворившись результатом, небожитель кивнул Тажаню Чжу, чтобы тот продолжал.

– Августейшие небожители понимают, что Гаррош Адский Крик совершил чудовищные, кошмарные злодеяния. Я повторяю: его вина не подлежит сомнению. Однако нам необходимо решить, каким образом его наказать. Гаррош *должен* понести ответственность. Вопрос в том, *какую именно*. И решить это мы можем только через суд. Именно поэтому вам, представителям Орды и Альянса, а также всем прочим, кому есть что сказать, будет предоставлено слово.

– Но судьями, присяжными и палачами в любом случае будут небожители? – подал голос Лор’темар Терон. Бейн сразу понял, что терпение эльфа крови на пределе и он не в восторге от перспективы «командной работы».

– Нет, Лор’темар, друг мой, – ответил Тажань Чжу. – Небожители и в самом деле вызвались быть присяжными, но в остальном ты не прав. Я возьму на себя благородную роль фа-шуа,

то есть судьи. Небожители мудры и хотят добиться истинной справедливости, как и многие из вас, с кем мне выпала честь познакомиться. Согласно древним законам Пандарии, Орда и Альянс должны будут выбрать тех, кто выступит в роли защитника и обвинителя соответственно.

– Вы ведь сами сказали, что он виновен, – вмешалась Вериса. – Зачем нам нужны защитник и обвинитель?

– Защитник будет просить смягчения приговора, а обвинитель, разумеется, станет требовать ужесточения. Вы вольны выбирать тех, кто возьмет на себя эти роли. При этом противоположная сторона может один раз воспользоваться правом вето.

– Я налагаю вето на этот суд! – рявкнул Генн Седогрив. – Гаррош Адский Крик – настоящий мясник. Он повел Орду против наших народов. Если вы хотите провести суд, так давайте не будем мелочиться и призовем к ответственности всех лидеров Орды. Некоторые из них смотрели на злодеяния своего вождя сквозь пальцы, другие присоединились к его армии, а иные, – он бросил полный ярости взгляд на Сильвану, – даже развязали свою собственную войну!

Его поддержал целый хор голосов. Бейн с грустью отметил, что в числе согласных оказалась и Джайна.

– Это займет немало времени, – спокойно заметил Тажань Чжу. – Не всем из нас уготована долгая жизнь.

– Альянсу тут вообще *нечего* делать, – выплюнул Галливикс. – Гарроша должны судить представители Орды. Только так пострадавшие от его действий получают достойную компенсацию.

– Денежную компенсацию, надо полагать? – невесело усмехнулся Меггакрут.

– Да, это было бы вполне уместно, – подтвердил Галливикс.

Тажань Чжу вздохнул и жестом попросил всех замолчать.

– Лидеры Орды и Альянса должны вынести свое решение. Вождь Вол’джин, король Вариан Ринн, согласны ли вы с предложенными мной условиями?

На мгновение тролль и человек встретились взглядами, затем Вол’джин кивнул:

– Небожителям судить проще, чем нам, участникам событий. А ты, Тажань Чжу, уже доказал свое благородство. Лучше получить право высказаться, чем смириться с уже готовым решением. Орда согласна.

– И Альянс тоже, – без промедления сказал Вариан.

– Вас отведут в помещение, где вы сможете выбрать защитника и обвинителя, – продолжил Тажань Чжу. – Помните, у каждой стороны только одно право вето. Выбирайте мудро.

Цзи Огненная Лапа, стоявший в стороне, подошел к Вол’джину и низко поклонился.

– Я отведу вас в один из соседних храмов. Там вы сможете согреться, – Цзи сделал паузу, сверкнул глазами и расплылся в хитрой улыбке, – и подкрепиться.

* * *

Пандарен не соврал. Пятнадцать минут спустя Вол’джин, Го’эл, Бейн, Эйтригг, Варок Саурфанг, Сильвана, Лор’темар Терон и Джастор Галливикс устроились на ковре, который пусть и выглядел скромно, все же был гораздо теплее каменного пола. Им предложили мясо и напитки. Воздух в зале согревался теплом жаровен.

Вол’джин указал на еду.

– Мудрость просыпается на сытый желудок, – сообщил он.

Еду, как и полагается в Пандарии, обильно запили пивом. Как только все насытились, Вол’джин, решив не терять времени даром, сразу перешел к делу:

– Братья-орки, вы знаете, как сильно я вас уважаю. Но, думаю, если защитником Гарроша станет один из вас, Альянс сразу воспользуется правом вето.

Го'эл кивнул и добавил:

– Мне жаль, что Гаррош пал так низко. Его поступки очернили целую расу в глазах других народов. Так или иначе, слова орка-защитника никто не станет воспринимать всерьез.

– С другой стороны, – вмешался Бейн, – орк, который будет держаться на публичном суде с честью, может исправить положение. Эйтригга уважают за невозмутимость и мудрые суждения.

Старый орк покачал головой, едва дослушав таурена:

– Мне приятны твои слова, верховный вождь, но Го'эл прав. Он, я и Саурфанг скажем свое слово, если того захотим. Тажань Чжу пообещал предоставить это право, и я ему верю.

– Я буду защитницей Гарроша, – вызвалась Сильвана. – Все знают, что в прошлом у нас были разногласия. Альянс ни за что не обвинит меня в излишней мягкости.

– Ты стала бы отличной обвинительницей Гарроша, с этим не поспоришь, – вмешался Вол'джин. – Но нам нужно выбрать *защитника*.

– Вождь, послушай, – не унималась Сильвана, – все здесь хотят казни Гарроша. Более мягкий приговор никого не устроит. И ты это знаешь! Ты ведь сам однажды сказал...

– Сильвана, я лучше знаю, что говорил, – перебил ее Вол'джин. Его низкий голос звучал угрожающе. – Это ведь не тебя бросили умирать с перерезанным горлом. Да, в период его правления страдали все. Но небожители ожидают, что суд будет настолько честным, насколько это возможно при участии нас, смертных. Кажется, я представляю, кто лучше всех справится с ролью защитника. Тот, кого уважают народы Орды и Альянса, кто никогда не питал к Гаррошу особой любви, неспособен лгать и всегда старается справиться с поставленной задачей как можно лучше.

Вол'джин повернулся к Бейну.

Сначала вождь тауренов подумал, что тот просто хочет услышать его мнение, но потом все понял.

– Ты про *меня*? – взревел Бейн. – Во имя Матери-Земли, Гаррош ведь убил моего *отца*!

– Ты сможешь донести до остальных точку зрения вождя, – вмешался Лор'темар. – Несмотря на боль, которую причинил тебе Гаррош, ты был верен Орде до последнего, пока не понял, что злодеяния тирана разрушают ее изнутри. Это известно всем, ведь у Альянса множество шпионов. Кроме того, у тебя добрые отношения с леди Праудмур.

Бейн широко распахнул глаза и повернулся к Го'элу, умоляя вмешаться, но орк только улыбнулся в ответ:

– Таурены всегда были сердцем Орды. Если кто и сможет стать защитником Гарроша и заставить остальных прислушаться к своему мнению, так это ты.

– Я не хочу его защищать. Я... хочу того же, что и все вы! – рявкнул Бейн. – Гаррош уже сотню раз доказал, что заслуживает смерти.

– Сделай так, чтобы с тобой считались, – тихо произнес до этого молчавший Саурфанг. Несмотря на преклонный возраст, его голос звучал мощно, в нем слышалась плохо скрываемая боль. – Бросить Гаррошу обвинения в лицо слишком просто. Гораздо труднее заставить судью и присяжных прислушаться к своему мнению. Бейн Кровавое Копыто, все знают, сколько тебе пришлось вынести. Но только ты сможешь убедить присутствующих сохранять спокойствие и рассуждать трезво.

– Я воин, а не жрец! Цветистые речи, игра на чужих чувствах – все это не мое.

– Гаррош тоже воин, – возразил Го'эл. – Так или иначе, но ты лучше нас всех подходишь на роль честного защитника.

Бейн стиснул зубы и повернулся к Вол'джину.

– Я сохранил верность Орде и вождю, когда этот титул носил Гаррош, поддержать кого-то столь достойного, как ты, Вол'джин, – мой долг.

– Я не стану тебе приказывать, – ответил Вол’джин, положив руку Бейну на плечо. – Следуй зову своего сердца.

* * *

Все складывалось не так, как хотела Сильвана Ветрокрылая. Совсем не так.

Прежде всего, она, как и все представители Орды, даже мягкосердечный Го’эл, надеялась, что их пригласили в храм, чтобы решить, кому выпадет честь оборвать жизнь Гарроша. Казнь при этом должна была быть неторопливой и крайне болезненной. Вариан Ринн и так надолго отсрочил этот, без сомнения, приятный момент, и вот теперь в дело вступили небожители с их *судом*. Как нелепо! Они и Тажань Чжу признавали, что Гаррош виновен. Рассуждения о «справедливости» и «отказе от мести» казались слишком тошнотворными, не заслуживали ни потраченного времени, ни усилий. По мнению Сильваны, единственным положительным моментом во всей ситуации была возможность высказаться и добавить свои слова к многочисленным свидетельствам преступлений Гарроша. Кроме того, ее радовало, что в качестве фа-шуа выступит Тажань Чжу. Возможно, это единственный пандарен, который согласится вынести смертный приговор. Остальные жители Пандарии, судя по всему, предпочли бы поить Гарроша пивом до тех пор, пока он не начнет извиняться спьяну.

Сильвана и не ожидала, что ей позволят занять сторону защиты. Вол’джин был прав, поступи Орда подобным образом, и Альянс тут же воспользуется правом вето, как минимум из ненависти. Но Бейн? Самый мягкосердечный из всех воинов и, по совместительству, представитель мирного народа.

Просто безумие! Более того, у Бейна было больше причин желать Гаррошу смерти, чем даже у самой Сильваны. Бывший вождь Орды для него все равно что Артас! Вот только Сильвана прекрасно понимала, что Бейн, согласившись став защитником, будет настолько рьяно придерживаться своей роли, что все остальные непременно захотят возложить к ногам Гарроша цветы.

Бейн прижал уши и тяжело вздохнул.

– Я выступлю защитником, – сказал он, – хоть и не представляю, как добиться поставленной цели.

Сильване пришлось приложить усилия, чтобы сдержать усмешку.

В комнату заглянул Цзи.

– Лидеры Альянса уже выбрали обвинителя. Если вы готовы, давайте вернемся на арену.

Все последовали за Цзи по заснеженной тропинке. Представители Альянса уже собрались на арене и наблюдали за вошедшими соперниками из Орды. Тажань Чжу подождал, пока все займут свои места, и обратился к присутствующим.

– Итак, вы приняли решение. Вождь Вол’джин, кому Орда поручит защищать Гарроша Адского Крика?

Защищать Гарроша Адского Крика... Сама эта фраза звучала как оскорбление!

– Верховному вождю Бейну Кровавое Копыто из племени тауренов, – ответил Вол’джин.

– Есть ли возражения у Альянса?

Вариан развернулся к соратникам. Все молчали. Как и предсказывал Вол’джин, многие представители Альянса были довольны таким выбором. К удивлению Сильваны, отпрыск Вариана даже едва заметно улыбнулся.

– Альянс принимает кандидатуру Бейна Кровавое Копыто, который не раз доказал свое благородство, – сказал Вариан.

Тажань Чжу кивнул:

– Король Вариан, кого Альянс выбрал обвинителем Гарроша Адского Крика?

– В этой роли выступлю я, – ответил Вариан.

– Этому не бывать! – возразила Сильвана. – Хватит нами помыкать!

Такой выбор разозлил не только ее – многие в зале выразили возмущение. Тажаню Чжу пришлось повысить голос, чтобы всех перекричать.

– Тихо, тихо! – несмотря на прямое значение этого слова, голос главы Шадо-Пан был громок, в нем звучали повелительные нотки. Крики сменились недовольным бормотанием, а затем все стихло. – Вождь Вол’джин, воспользуешься ли ты своим правом вето, чтобы отклонить кандидатуру обвинителя?

В Орде Вариана не любили. Резкие изменения в его личности многим казались подозрительными. И даже тот факт, что король Альянса не стал оккупировать Оргриммар, не смягчил сердца народов Орды. Люди – враги, это *никогда* не изменится. Сильвана понимала: если Вариан выступит в роли обвинителя, недовольство судом лишь усилится. Судя по всему, Вол’джин тоже это чувствовал.

– Да, лорд Тажань Чжу. Мы воспользуемся правом вето, – сказал он.

Как ни странно, никто из Альянса спорить не стал. Сильвана обратила внимание на эту реакцию и оценила хитрый ход противника, который тут же предложил другую кандидатуру на роль обвинителя.

– Тогда мы выбираем верховную жрицу Тиранду Шелест Ветра, – спокойно ответил Вариан.

Тиранда Шелест Ветра... Из всех народов, населявших Азерот, ночные эльфы ненавидели орков даже сильнее, чем люди. Пожалуй, у них были на то причины. Ночные эльфы любили природу, орки же использовали ее дары лишь как материалы для строительства и ведения войны. Сперва Сильвана разозлилась, а потом на мгновение задумалась, настолько ли плох этот выбор. Реакция Бейна доказала, что большинство представителей Орды предпочли бы обвинять Гарроша, а не защищать.

Но в горящих глазах Тиранды Сильвана не увидела ни намек на сочувствие к положению, в котором они оказались. Хотя Тиранда и была жрицей, на ее долю выпало немало битв.

Тажань Чжу вновь заговорил, на этот раз о пандарийских законах в отношении проведения суда, но Королева-банши уже не слушала.

– Отличный ход, Альянс, – пробормотала она на некогда родном языке высших эльфов.

– Они предложили кандидатуру Вариана, прекрасно зная, что мы воспользуемся правом вето, а затем заменили его еще более жестким обвинителем на тот случай, если кто-то из нас проявит к Гаррошу сострадание, – ответил знакомый голос на том же языке. – Думаю, они не понимают, что мы ненавидим бывшего вождя ничуть не меньше.

Сильвана посмотрела на Лор’темара, приподняв бровь. Каждая ее попытка укрепить союз с лидером син’дорай разбивалась о стену холодной вежливости, за которой скрывалась злопыхательность. Лор’темар, был загнан в угол, но даже в этой ситуации старался не потерять драгоценного достоинства. Неужели разговор на талассийском означал, что ситуация переменилась? Возможно, предводитель эльфов крови оскорбился тем, что ему не досталось место нового лидера Орды?

– Тиранда не питает особой любви к Гаррошу, – поддержала диалог Сильвана.

– И к Орде тоже, – добавил Лор’темар. – Интересно, не пожалее ли Вол’джин, что отверг кандидатуру Вариана? Думаю, нам стоит выждать и понаблюдать за развитием событий.

– Как и всегда, – сказала Сильвана, размышляя, как в этот раз эльф крови отреагирует на предложение сотрудничества.

Но, похоже, Лор’темар не услышал последней фразы и вместо ответа кивнул кому-то из покидающих арену представителей Альянса. Сильвана обернулась, чтобы посмотреть, кто это был.

Ну, конечно, Вериса! Ведь не так давно они с Лор’темаром общались. Вежливость сестры по отношению к лидеру эльфов крови казалась удивительной. Но гораздо сильнее Сильвану

поразило то, что после ответного приветствия Вериса встретила с ней взглядом и, прежде чем отвернуться, долго не отводила глаза.

Сестры Ветрокрылые (по крайней мере две из них) увиделись впервые за много лет. Логично было бы предположить, что встреча с Сильваной будет для Верисы испытанием. Однако на ее лице не было ни горечи, ни грусти. Только мрачная непоколебимость и какое-то... удовлетворение.

Сильвана понятия не имела, чем вызвана такая реакция.

3

Как только Бейн ступил на родную землю Мулгора, напряжение, мучившее его во время пребывания в Пандарии, исчезло. Он полной грудью вдохнул чистый и ароматный ночной воздух.

Бейна уже ждал шаман Кадор Облачная Песня.

– Как хорошо, что ты дома, – произнес он своим глубоким голосом и низко поклонился.

– Я тоже этому рад, пусть и вернулся ненадолго, чтобы исполнить печальный долг, – ответил Бейн.

– Мертвые всегда рядом, – сказал Облачная Песня. – Мы оплакиваем физическую оболочку, но ветер доносит до нас их песни, а в воде слышен их смех.

– Жаль только, что они не могут с нами говорить и давать советы, как когда-то.

От одной мысли об этом сердце Бейна сжалось. Он подумал, стоит ли добровольно беречь старые раны. Тем не менее Бейн доверял Облачной Песне и был уверен, если бы тот считал затею неблагоприятной, непременно бы сообщил об этом.

– Они говорят с нами, Бейн Кровавое Копыто. Только не так, как мы привыкли.

Бейн кивнул. Его отец Кэрн действительно всегда был рядом. Бейн и Кадор Облачная Песня прибыли в Красные Скалы. Здесь, в древнем святилище, павших героев племени тауренов отправляли к Матери-Земле и Отцу-Небу через очищение огнем. Это место находилось в отдалении от Громого Утеса и получило свое название из-за скал из красного песчаника. Здесь можно было отдохнуть и предаться созерцанию на границе между миром живых и мертвых вдали от суеты Громого Утеса. Бейн не приходил сюда с момента похорон отца. Сейчас, как и тогда, его сопровождал Кадор Облачная Песня с тем лишь отличием, что на этот раз кроме них здесь больше никого не было. Посмотрев на запад, Бейн увидел очертания Громого Утеса на фоне ночного неба. Костры и факелы с такого расстояния казались сияющими звездами. В восточной части Красных Скал тоже был зажжен небольшой костер, даривший тепло и уютно мерцавший во тьме.

Огонь... Бейн взглянул на пустые сооружения для погребальных костров. После кремации остается лишь пепел, но и его забирает ветер, разнося по четырем сторонам света. Хотя таурены и обрели дом в Гроговом Утесе, своих мертвецов они предпочитали сжигать. Такой погребальный обряд уходил корнями в кочевническое прошлое. Предки тауренов освобождали души умерших, предавая тела огню и рассеивая прах по ветру. Так те, кто перешел в иной мир, могли продолжать свои странствия, если того захотят.

– Тебе хватило времени, чтобы подготовиться? – спросил Бейн у Кадора.

– Да, – кивнул шаман. – Обряд несложный.

Бейна это не удивило. Таурены были простым народом, а потому не произносили напыщенных речей и не использовали в своих ритуалах предметы, которые трудно достать. Хватало даров, которые преподносила земля.

– Ты готов, верховный вождь?

– Нет, но давай приступим, – грустно рассмеялся Бейн.

Шаман Облачная Песня, одетый в шкуры убитых им же зверей, начал притопывать копытами в медленном и четком ритме, устремив взгляд в небо, на восток.

– Взываю к духам воздуха! Вы – легкий бриз, ветер, буря и нечто большее. Мы просим вас присоединиться к этому ритуалу, нашептать мудрость великого Кэрна Кровавое Копыто его сыну Бейну.

Хоть погода и была спокойной, после этих слов поднялся легкий ветерок, взъерошивший мех на теле вождя тауренов. Бейн прислушался, но не смог различить ничего, кроме тихого бормотания. Кадор Облачная Песня достал шаманский кисет, зачерпнул из него пригоршню серого пепла и рассыпал по земле в форме изогнутой линии, соединившей восток и юг. Для обрядов, посвященных живым, таурены использовали кукурузную пыльцу, но сегодня шаман обращался к мертвым, а значит, в сером порошке был пепел сожженных в Красных Скалах.

– Взываю к духам огня! – Кадор Облачная Песня повернулся к костру и поднял свой жезл в знак почтения. – Вы – сияющие угли, огонь, пламя и нечто большее. Мы просим вас присоединиться к этому ритуалу и согреть сердце Бейна Кровавое Копыто храбростью его возлюбленного отца Кэрна.

На мгновение пламя разгорелось ярче, и Бейн ощутил сильнейший жар. Обозначив таким образом присутствие духов, костер вернулся в обычное состояние, лишь изредка тихо потрескивая.

Теперь Кадор Облачная Песня повернулся на запад, обращаясь к духам дождей, рек и бурь, прося их окутать верховного вождя тауренов воспоминаниями об отцовской любви. В этот момент сердце Бейна болезненно забилося. «Слезы тоже состоят из воды», – подумал он.

Следом настал черед духов земли, что воплотились в почве, камне, горах и в каждой кости благородных павших. Кадор попросил их даровать Бейну силу плодородной земли, на которую привел свой народ Кэрн. Затем шаман замкнул священный круг из серого пепла. Бейн ощутил вспышку энергии, сам воздух звенел от ее мощи. То же самое он чувствовал перед надвигающейся бурей, вот только на этот раз вокруг было неожиданно спокойно.

– Приди, Дух жизни! – воззвал Кадор Облачная Песня. – Ты – воздух, которым мы дышим, ты – огонь в нашей крови, ты – прах в наших костях и вода в наших слезах. Мы знаем, что смерть – лишь тень жизни, а кончина столь же естественна, как и рождение. Мы просим тебя присоединиться к ритуалу и призвать того, кто ходит в твоей тени.

На мгновение они молча замерли в центре круга, размеренно дыша в унисон. Спустя некоторое время шаман кивнул и предложил Бейну сесть среди пустых сооружений для костров, лицом к Громовому Утесу. Бейн подчинился, дыша все так же глубоко и пытаясь усмирить мечущиеся в голове мысли. Облачная Песня передал ему глиняный кубок, наполненный жидкостью темного цвета, в которой отражались звезды.

– Этот напиток дарует тебе видение, если на то будет воля Матери-Земли. Пей.

Бейн поднес кубок ко рту, попробовал приятное на вкус зелье из серебриста, остро-терна, земляного корня и чего-то, что он не смог распознать, и вернул кубок шаману.

– Борись со сном, Бейн Кровавое Копыто. Созерцай красоты этой земли, – сказал Кадор. Бейн подчинился. Напряжение покинуло его тело, а взгляд стал расфокусированным.

Он услышал тихий, ритмичный звук покрытого шкурой барабана, совпадавший с биением сердца. Бейн не знал, сколько просидел так, слушая речь Облачной Песни. Он полностью расслабился и ощутил покой в сердце, бившемся в такт барабану.

А затем Бейн почувствовал чье-то присутствие. На него с улыбкой смотрел Кэрн Кровавое Копыто, могучий таурен в самом расцвете сил с острым и пронизательным взглядом. Бейн никогда не видел отца таким. В руке Кэрн держал свое руническое копьё, целое и невредимое, как и он сам. Отец поднял оружие в знак приветствия, и мускулы на его могучей груди обозначились сильнее.

– Отец, – выдохнул Бейн.

– Сын мой, – ответил Кэрн и улыбнулся. Вокруг его глаз собрались морщинки. – Путь от моего мира к вашему труден, у меня мало времени, но я знаю, что твое сердце беспокойно, поэтому не мог не откликнуться на зов.

Вся боль, которую Бейн похоронил внутри себя и не мог выразить, которую заглушил, чтобы не отвлекаться от служения племени тауренов, выплеснулась наружу, словно кровь из раны.

– Отец... Гаррош убил тебя! Он отнял у тебя возможность умереть с честью! Он наблюдал за тем, как я и Зловещий Тотем сражаемся, словно звери в бойцовой яме, и ждал, кто победит. Он опустошал земли, лгал собственному народу и разрушил Терамор...

По лицу Бейна текли слезы злобы и горечи. На мгновение, ослепленный противоречивыми чувствами, он потерял дар речи.

– И теперь тебя просят его защищать, – вмешался Кэрн. – Хотя больше всего на свете ты хочешь наступить ему копытом на горло.

Бейн кивнул:

– Да. Ты пошел против него в те времена, когда никому не хватало на это храбрости. Отец... должен ли был я последовать твоему примеру? Должен ли был его остановить? Неужели... неужели вся кровь, которую пролил Гаррош, и на моих руках тоже?

Эти слова вырвались у Бейна против воли, он и сам удивился вопросу. Кэрн же мягко улыбнулся:

– Сын мой, все это в прошлом. События минувших дней упорхнули, словно лепестки, унесенные ветром. Только Гаррош ответственен за свой выбор и свои действия. Ты всегда следовал зову сердца, а я всегда гордился тобой.

В этот момент Бейн понял, как Кэрн ответит на его вопрос.

– Ты... ты считаешь, я должен это сделать, – прошептал он. – Должен защищать Гарроша Адского Крика.

– Мое мнение неважно. Делай то, что считаешь нужным, как и всегда. Я чувствовал, что в то время был обязан бросить Гаррошу вызов. А ты чувствовал, что должен поддержать вождя Орды.

– Вариан должен был позволить Го'элу убить его! – прорычал Бейн.

– Но не позволил. Все получилось так, как получилось, – спокойно произнес Кэрн, казавшийся одновременно юным и старым. – Ответ на один вопрос, и ты сразу поймешь, что нужно делать. Если тебя так огорчает, что я был убит из-за предательства, можешь ли *ты* отступить от борьбы за правду и честность, даже если (особенно если) добиться своей цели будет нелегко? Разве сможешь ты, придерживаясь уготованной роли, отступить от идеалов чести? Любимый сын, плоть от плоти моей, я думаю, ты знал ответ еще до того, как пришел сюда.

Так и было, но Бейну не стало легче.

– Я возьму на себя эту ношу, – тихо сказал он, – и буду защищать Гарроша настолько хорошо, насколько смогу.

– По-другому ты не умеешь. А когда все закончится, ты испытаешь радость. Нет-нет, – добавил Кэрн и предостерегающе поднял руки, как только Бейн собрался заговорить. – Я не могу рассказать тебе о последствиях. Но обещаю, твое сердце будет спокойно.

Образ Кэрна начал таять. Заметив это, Бейн понял, что потратил драгоценную возможность встречи с отцом (со своим *отцом!*) на жалобы, как какой-то глупый юнец.

– Нет! – закричал он срывающимся от эмоций голосом. – Отец, пожалуйста, не уходи, останься еще ненадолго!

Бейн хотел сказать так много. Как сильно скучал по Кэрну. Как изо всех сил старался почтить его память. Несколько мгновений, которые длилась их встреча, значили для верховного вождя тауренов так много. Было слишком поздно. Бейн умоляюще потянулся к отцу, но тот принадлежал миру теней, его не было среди живых, и руки лишь прошли сквозь воздух.

Во взгляде Кэрна мелькнула грусть, он потянулся к сыну и в мгновение ока исчез.

Кадор Облачная Песня подхватил Бейна, не дав ему упасть.

– Получил ли ты ответы, которые искал, верховный вождь? – спросил шаман, подав Бейну кубок с чистой холодной водой. Бейн сделал глоток, и его разум начал проясняться.

– Ответы, которые искал? Нет. Но я получил ответы, в которых нуждался, – ответил он, грустно улыбнувшись другу.

Кадор Облачная Песня понимающе кивнул. В тишине ночи, нарушаемой лишь стрекотом сверчков и дыханием легкого ветерка, раздался знакомый гул, а затем из вихря яркого света появился портал.

– Кто посмел прервать ритуал? – прорычал Кадор Облачная Песня. – Круг еще не разорван!

Бейн поднялся, а шаман подошел к открытому portalу. Из него появился стройный высший эльф. Он выглядел вполне типично для представителя своего народа – заостренные, тонкие черты лица, водопад длинных золотистых волос и аккуратная борода-эспаньолка. Эльф сразу же обратился к Бейну.

– Верховный вождь, меня зовут Кайроздорму. Тажань Чжу попросил меня проводить вас в Храм Белого Тигра. Прошу, следуйте за мной.

– Ты прерываешь священный ритуал... – начал Кадор.

Эльф окинул его раздраженным взглядом.

– Прошу простить мое неуважение к обычаям, но мы должны спешить!

Бейн обратил внимание на камзол эльфа, коричневый с золотистой окантовкой и эмблемой на груди – золотым кругом и символом бесконечности. Такую одежду носили Хранители времени, и Бейн не смог удержаться от вопроса:

– Разве род еще носит такие камзолы? Мне казалось, ваша власть над временем...

Кайроздорму нетерпеливо взмахнул рукой с длинными пальцами:

– Это долгая история, а времени у нас мало.

– Странно такое слышать от тебя. Пути времени разрушила какая-то катастрофа?

– Нет, причина спешки более прозаична. Этот портал не вечен, – Кайроздорму вдруг криво усмехнулся, сверкнув белыми зубами. – Хотя, – добавил он, – теоретически это возможно, но не здесь и не *сейчас*. Верховный вождь, давайте поторопимся.

Бейн повернулся к Облачной Песне.

– Спасибо за все, Кадор. Долг зовет.

– Зовет, да еще и на эльфийском, – съязвил шаман, но, тем не менее, почтительно поклонился. – Иди, верховный вождь, и да пребудет с тобой благословение отца.

* * *

Трапеза получилась незамысловатой и легкой: хлеб с кедровыми орешками, дарнаасский блю, свежие лунные груши и сок луноягоды. За столом в храме возлюбленной богини Элуну Тиранда рассказывала верховному друиду Малфуриону Ярость Бури о событиях, произошедших в Храме Белого Тигра.

* * *

Жрицу порадовало то, что Тажань Чжу распорядился открыть порталы домой для каждого участника судебного процесса. К Тиранде обратилась миловидная волшебница-пандаренка Ю-фэй, одетая в шелковую мантию цвета воды, соответствовавшую оттенку ее глаз и выбившегося из прически непослушного локона.

– Чжу-шао Шелест Ветра, – произнесла Ю-фей, используя традиционное для Пандарии обращение к представителям суда, и низко поклонилась. – Для меня честь отправить вас домой до момента, пока ваше присутствие вновь не понадобится в храме. Прошу, позовите меня, если вам понадобится помощь.

* * *

– Любовь моя, уверена ли ты, что хочешь взять на себя эту ношу? – спросил верховный друид.

Малфурион налил жене второй бокал сока луноягоды. Перья на его руках – напоминание о тысячелетиях, проведенных в Изумрудном Сне, – коснулись столешницы. Тиранда вдруг поняла, что привыкла к изменениям, которые произошли с Малфурионом за время длительного сна: его тело покрылось перьями, ноги больше напоминали лапы саблезуба, а густая борода зеленого цвета сильно отросла. И пусть внешность верховного друида стала другой, его чистое сердце ничуть не переменялось. Он всегда был и навсегда останется возлюбленным Тиранды.

Малфурион тем временем продолжил:

– Ты не знаешь, сколько продлится этот суд и *куда* он тебя заведет.

Тиранда сделала глоток сладкого сока, от которого веяло прохладой ночного леса.

– Любовь моя, за этим судом будет следить весь мир. Кроме того, – Тиранда улыбнулась, – ты справишься с любыми проблемами, которые возникнут в мое отсутствие. Я смогу возвращаться домой и проводить все ночи рядом с тобой. Это ли не благословение самой Элуне? Что касается того, куда он меня заведет... – в голосе Тиранды появилась жесткость. – Скорее всего, мне почти не придется ничего делать, доказательств и так достаточно. Гаррош прожил множество лун, но за это время сумел расположить к себе лишь единицы, а с окончанием его жестокого правления почитателей стало еще меньше.

Малфурион с тревогой заглянул Тиранде в глаза.

– Я ведь спрашивал не о том, что ты будешь делать на суде, а о том, что *он* сотворит с тобой.

Тиранда удивилась и, кажется, немного растерялась:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты – верховная жрица, посвятившая свою жизнь Элуне. Та, кто ратует за просвещение и исцеление. Когда того требует долг, ты безжалостна в битве. Теперь же твоим оружием станут лишь ненадежные и переменчивые слова, которые плохо сочетаются с красотой твоего сердца. И призывать тебе придется не к просветлению, а к ненависти и осуждению.

– В конце концов, факты, которые я представлю, прояснят ситуацию и позволят добиться просветления. А справедливый приговор, вынесенный Гаррошу, станет нашим исцелением.

Малфурион по-прежнему казался взволнованным. Он собрался было ответить, но снаружи беседки, где они с супругой наслаждались трапезой, прозвучал женский голос:

– Моя госпожа?

– Входи, Кордесса.

Тонкая рука приподняла прозрачную занавесь, и внутрь заглянула синеволосяя Стражница.

– К вам посетительница. Она утверждает, что пришла по поводу суда и что дело не терпит отлагательств.

Малфурион приподнял бровь в немом вопросе, но Тиранда лишь покачала головой, ведь она удивилась ничуть не меньше.

– Конечно, Кордесса,пусти ее.

Стражница отошла, придерживая занавесь, и жестом пригласила загадочную гостью войти.

Посетительницей оказалась гномка с чуть веснушчатым лицом и симметричными пучками волос по обеим сторонам головы. Она поприветствовала Тиранду и Малфуриона, радостно сверкая ярко-зелеными глазами.

– Верховный друид, верховная жрица, как я рада вас видеть! Прошу прощения за беспокойство, чжу-шао, но, боюсь, дело важное.

Чжу-шао. Еще один титул, который Тиранде предстояло на себя примерить, пусть и ненадолго.

– Конечно, Хроми, – Тиранда улыбнулась и грациозно присела на колени перед бронзовой драконихой Хронорму, оказавшись с ней одного роста.

При упоминании имени гостьи Стражница тихо опустила занавесь, не желая мешать беседе.

– Чем могу помочь?

– Небожители хотят, чтобы вы с чжу-шао Кровавое Копыто кое-что сделали, прежде чем приступить к своим обязанностям. Проще будет показать. Не могли бы вы пойти со мной?

4

По прибытии в Храм Белого Тигра Бейн поклонился Ю-фей, поблагодарив ее за портал, а затем повернулся к главе Шадо-Пан.

– Приветствую, лорд Тажань Чжу. Кайроздорму привел меня, как вы и просили.

Произнося эту фразу, Бейн осматривался вокруг. Ночью Храм Белого Тигра казался еще более огромным. Несмотря на проникавшие сюда лунные лучи и свет ламп, верхние ряды трибун оставались в тени. Бейн обратил внимание, что арену уже подготовили к суду, разделив на три части – для него и Гарроша, для Тиранды, для фа-шуа и свидетелей. Защитнику и обвинителю были отведены идентичные секции с простыми стульями и прямоугольными столами, покрытыми алыми и золотыми скатертями. Одна из секций находилась в круге в западной части арены, а другая, оборудованная двумя стульями, – в восточной. Бейн сразу понял, что она предназначена для них с Гаррошем. На столах стояли пустые кувшины и бокалы, а также чернильницы, аккуратно разложенные перья и пергамент – судя по всему, для записок.

Место Тажаня Чжу располагалось на отдельном помосте. Ему достался чуть более роскошный стул, который, тем не менее, не шел ни в какое сравнение с тронем, возвышавшимся в северной части трибун. Около стула стоял небольшой гонг с колотушкой. На полу, чуть левее от помоста Тажаня Чжу, располагался стул для свидетеля и небольшой стол, на котором также стояли пустой кувшин и бокал.

Все это Бейн ожидал увидеть. Однако в стороне, позади помоста судьи, были расставлены стулья и столы, на которых стоял некий предмет, накрытый черной тканью.

– Могу ли я спросить, что там?

– Именно за этим я и позвал вас сюда в такой час, – сказал Тажань Чжу, сумев ответить на вопрос и ничего не сообщить одновременно. Он остановил Бейна жестом, не дав продолжить. – Вы узнаете обо всем, как только сюда прибудет чжу-шао Шелест Ветра. Проявите терпение.

– Меня отвлекли от очень важного ритуала. Терпение – последнее, что я готов проявить. Надеюсь, это ясно, – ответил Бейн.

Тажань Чжу укоризненно посмотрел на стоявшего рядом бронзового дракона.

– Кайроздорму, Ю-фей смогла бы без труда открыть еще один портал, но позже. Я знаю, ты, в отличие от своей коллеги из Альянса, незнаком с обычаями младших рас. Научись уважать их традиции.

Кайроздорму явно расстроился.

– Прошу прощения. Вы правы, у моей коллеги есть преимущество. Я думаю, чжу-шао Кровавое Копыто примет мои извинения и поможет познакомиться с обычаями племени тауренов.

Бейн чуть смягчился. Дракон никак не помешал проведению основной части, но духов всегда нужно было особым образом благодарить за помощь в ритуале. Бейн не стал заострять на этом внимание и решил уточнить кое-что другое, о чем упомянул Тажань Чжу.

– Коллега из Альянса?

– Кайроздорму будет помогать защитнику. Советником стороны обвинения станет другой бронзовый дракон. Они с Тирандой скоро прибудут.

Бейн вновь посмотрел на загадочный предмет, накрытый тканью, и окинул взглядом пустые трибуны, которые совсем скоро заполнятся зрителями. Взглянув на стол с двумя сту-

льями, верховный вождь, несмотря на обещание, данное отцу, недовольно фыркнул, ведь ему не просто придется защищать Гарроша, но и каждый день сидеть с ним рядом.

– Тебя что-то беспокоит, вождь? – Кайроздорму устроился на стуле, который скоро должен будет занять Бейн, сложив руки за головой и вопросительно глядя на своего собеседника.

– Кайроздорму, меня беспокоит многое, но ты вряд ли сможешь помочь, – ответил Бейн.

– Я бы не был так уверен. И, пожалуйста, называй меня Кайрозом.

На арене появились сразу две фигуры – высокая и низкая. Тиранда Шелест Ветра изящно склонила голову.

– Добрый вечер, чжу-шао Кровавое Копыто. Лорд Тажань Чжу, надеюсь, мы не заставили вас ждать.

Гномка, сопровождавшая жрицу, повернулась к Бейну.

– Приветствую, верховный вождь! Рада тебя видеть. – Она улыбнулась Бейну и отошла поговорить с Кайрозом.

– Верховная жрица Тиранда, верховный вождь Бейн, – начал Тажань Чжу, – спасибо, что пришли. Перейдем к делу. Суд, в честности и справедливости которого не возникнет сомнений ни у кого из присутствующих, гораздо важнее приговора, вынесенного Гаррошу. Ведь в противном случае либо подсудимый превратится в мученика, во имя которого Орда встанет на путь войны, либо присутствующие решат, что приговор слишком мягок, и тогда разрыв между Альянсом и Ордой станет еще ощутимее.

– Лорд Чжу, моя задача проста, – произнесла верховная жрица ночных эльфов своим мелодичным голосом. – Я уверена, доказательства будут говорить сами за себя.

– Все знают, что я не питаю к Гаррошу любви. Я скорее умру, чем обещу себя, – добавил Бейн, явно оскорбившись. К чему ведет глава Шадо-Пан?

– Я ни в коем случае не хотел проявить неуважение, – сказал Тажань Чжу. – Я прекрасно знаю, что вы не склонны к обману и жульничеству. Однако слухи о том, что суд ведется нечестно, все равно будут распространяться.

– Это печально, но неизбежно, – согласилась Тиранда.

Бронзовые драконы чуть насмешливо улыбнулись друг другу.

– Если бы речь шла об обычном суде – да, неизбежно, – ответил Кайроздорму. – Но наш суд особенный. Знаете ли вы, что такое Песочные часы Времени?

Это был риторический вопрос. Огромные, невероятно красивые песочные часы обладали силой повернуть вспять само время. Их создал Ноздорму, бывший Аспект Времени. Ноздорму предвидел свое падение и превращение в злодея Дорнозму, а потому помог героям, вступившим в бой с его будущим воплощением, и дал им Песочные часы Времени.

Бейн и Тиранда обменялись смущенными взглядами. Они слышали, что герои в попытке помочь Ноздорму столкнулись с искаженными, злобными копиями их обоих. Думать об этом было неприятно.

– Мы знаем, что это, – коротко ответил Бейн.

– С того момента, как Дорнозму был побежден, я... как бы это сказать... – Кайроз замолчал, пытаясь подобрать нужное слово.

– Пытался починить часы, – подсказала Хроми.

– Да, так и есть, – кивнул Кайроз. – С помощью магии. Я исследовал Вневременный остров. В итоге, используя частицы Песков времени из часов и смешав их с частицами Камней вечности, найденных на острове, я создал артефакт под названием Видение времени. Это просто чудо, скажу я вам! Функции Видения времени отличаются от функций Песочных часов Времени. Этот артефакт не способен повернуть время вспять, однако мы с Хроми можем воссоздать видение из любого периода, которое будет отражать истинный ход важных событий. С его помощью я даже могу заглянуть в будущее.

– Как? – спросил Бейн, глядя на накрытый тканью предмет с недоверием.

– Артефакт может открыть полностью контролируемый разрыв в ткани времени.

– А вы не боитесь изменить ход истории? – спросила Тиранда.

– Нет, – ответил Кайроз. Судя по всему, он очень собой гордился и, по мнению Бейна, имел на это право. – Как я и говорил, мне удалось изменить саму природу Песков времени. Артефакт отражает события на *нематериальном* уровне. Мы не сможем ощутить физическое присутствие. В образовавшемся разрыве будут лишь видения и звуки.

– Кроме того, артефакт работает в одностороннем порядке, – добавила Хроми. – Мы *никак* не сможем повлиять на ход истории.

– Позвольте продемонстрировать, – сказал Кайроз. Он взялся за край ткани и театральным жестом сорвал ее с артефакта.

Видение времени представляло собой песочные часы, украшенные двумя металлическими фигурками драконов (очевидно, бронзовых), которые обвивались вокруг каждого сосуда. Мастерство исполнения было столь безупречно, что драконы выглядели живыми и, казалось, просто дремали.

– Песок не падает, – отметила Тиранда.

– Начнет, как только мы с Хроми активируем Видение, – пояснил Кайроз. – Запас песка в верхнем сосуде конечен. Во время суда каждому из вас будет отведено определенное количество часов для использования артефакта. Вы сможете выбрать, какие моменты продемонстрировать в качестве неопровержимых доказательств. Длительность каждого эпизода будет вычитаться из общего количества часов.

– Иными словами, – вмешалась Тиранда, – нам не нужны свидетели.

– Я бы не был в этом уверен, – ответил Кайроз. – Вы ограничены в ресурсах, и свидетели смогут подтвердить или опровергнуть представленные доказательства гораздо лучше, чем сухие факты. Верховная жрица, Хроми выступит в роли вашей советницы и поможет правильно использовать показания свидетелей. Я же буду работать с верховным вождем.

– Стало быть, – начал Бейн, – никакой лжи, никаких преувеличений и сложностей, даже если свидетель не сможет в точности воспроизвести ход событий?

– Только истина без прикрас, – подтвердила Хроми, – с которой не поспоришь.

– Еще как поспоришь, – возразила Тиранда. – Мы можем обсудить мотивы, мысли, планы...

Хроми протестующе вскинула руки.

– Не раскрывайте свою тактику, верховная жрица! – воскликнула она.

– Как мы узнаем, какие моменты выбирать? – спросил Бейн. – Мы сможем их просмотреть, прежде чем показывать в суде?

– Разумеется, – кивнул Кайроз. – Что же касается выбора, то в этом поможем мы. Вы расскажете мне или Хроми, с каким утверждением хотите работать, а мы поможем подобрать идеальный момент.

– Почему бы нам не вернуться в Дарнас и не обсудить, как правильнее всего использовать Видение времени?

– Мудрое решение, Хроми. Лорд Тажань Чжу, мы закончили? – уточнила Тиранда.

– Вы и ваша советница можете идти. Защитник, и вы тоже, – произнес Тажань Чжу. – С этого момента и до начала суда мы с вами больше не увидимся и не сможем побеседовать. Да пребудет с вами мир и мудрость небожителей. Выполняйте свой долг с честью и усердием.

Тажань Чжу низко поклонился и, несмотря на явный физический дискомфорт, на мгновение задержался в этой позе. Бейн оценил это проявление уважения и благодарности.

Тиранда также поклонилась и покинула храм вместе с Хроми. В обычно величественной, плавной и грациозной походке жрицы ощущалось легкое напряжение, выдававшее волнение.

– А *она* явно довольна моим вкладом в общее дело, – прокомментировал стоявший позади Кайроз, глядя вслед уходящим фигурам.

– И правильно, – откликнулся Бейн.

– Что насчет тебя, вождь?

Бейн внимательно взглянул на собеседника.

– Все здесь знают, что ничем не прикрытая правда плохо скажется на положении Гарроша. Но мой долг, несмотря ни на что, заключается в том, чтобы защищать его. А потому артефакт кажется мне вещью, полезной исключительно для стороны обвинения.

– Идем, – с улыбкой произнес Кайроз. – Еще рано сдаваться. Даже ничем не прикрытую правду можно интерпретировать по-разному. Ты вправе просить меня показать разные эпизоды. Они необязательно должны быть связаны только лишь с поступками и словами *Гарроша*.

– Интересная мысль. Должен сказать, я заинтригован. Давай вернемся в Громовой Утес, и ты расскажешь мне, как лучше всего использовать Видение времени.

* * *

Джайна Праудмур понимала: праздновать им нечего. Совсем скоро начнется суд, итогом которого почти наверняка станет казнь. Так стоит ли радоваться убийству? Конечно, нет, но сути это не меняло.

Джайна видела, что все остальные разделяли ее чувства. Тем не менее никто из присутствующих так и не решился открыто произнести тост, восхвалявший заслуженную смерть. За столом все сидели непривычно прямо. Голоса звучали более беззаботно, чем обычно, и порой кто-то даже смеялся, чего Джайна не слышала уже очень давно. Впервые за долгое время она ощущала удовлетворение. Кто знает, быть может, ужасы войны наконец-то остались позади? Джайна надеялась, что наконец-то сможет передохнуть, оплакать павших, порадоваться вместе с выжившими и посвятить себя отношениям с драконом, который так сильно отличается от нее самой и, в то же время, поражает своей преданностью.

Джайна разглядывала лица сидевших за столом на Аметистовом утесе, и хрупкое ощущение спокойствия постепенно крепло. Здесь собрались Кейлек, Вериса Ветрокрылая, Вариан и Андуин.

Джайна была благодарна собравшимся, но все же очень остро чувствовала отсутствие тех, кто до этой встречи не дожил. Кейлек развернулся и мягко сжал ее руку.

– Ты по ним скучаешь, – мягко произнес он, и Джайна не стала это отрицать.

– Скучаю, – ответила она. – Сегодня они должны были быть здесь: Страдалица, Киннди, Тервош...

Джайна и Калесгос говорили тихо, но эльфийский слух всегда славился своей остротой.

– Да, должны были, – вмешалась Вериса. – А еще Ронин и многие другие.

Андуина явно встревожила жесткость в голосе эльфийки.

– Я уверен, что с небожителями в роли присяжных и Тажанем Чжу в роли судьи мы добьемся справедливости.

– Да, – кивнула Вериса. – Мне показалось странным, что защищать Гарроша будет Бейн, но возражать я не стану.

– Для Бейна честь не пустой звук, – вмешался Андуин. – Я не сомневаюсь, он прекрасно справится со своей задачей, даже несмотря на бушевающие его эмоции.

– Не думаю, что он мечтал о своей роли, – сказал Кейлек.

– Верно, – согласился Вариан. – Чего нельзя сказать о роли Тиранды. В Альянсе все хотели бы оказаться на ее месте.

– Кроме тебя, – пожала плечами Джайна.

– Предпочитаю наблюдать со стороны, – ответил Вариан. – Если бы мои желания ограничивались смертью Гарроша, я бы не стал останавливать Го'эла.

Вериса поджала губы, но промолчала. Джайна не могла ее винить, поступок Вариана вызывал смешанные чувства и у нее самой.

– Ты поступил правильно, отец, – сказал Андунин. – Суд будет непростым, но в перспективе он принесет нам много хорошего. Так мы сможем положить злодеяниям конец гораздо эффективнее, чем через простую казнь или любой другой приговор.

«Точно ли?» – подумала Джайна. Положит ли этот суд конец ее кошмарам, боли в сердце, которая возникает каждый раз, стоит вспомнить, сколько ее друзей погибло? Как в этом поможет суд? Она подумала о Киннди, чье тело от одного прикосновения превратилось в фиолетовую пыль. Джайна вдруг поняла, что сжимает вилку так сильно, что побелели костяшки, и положила ее на стол. Пальцы болели. Волшебница взглянула на миску с жареной курицей, взяла ножку, внимательно осмотрела ее и улыбнулась от пришедшей в голову мрачной шутки.

– Не лучше ли будет, если Гаррош во время сегодняшней трапезы внезапно подавится костью? Сколько времени это бы сэкономило! – сказала она как можно спокойнее. – Кстати, я слышала, на десерт будет подан вкуснейший торт. Надеюсь, у вас осталось для него место.

5

День первый

* * *

Джайна Праудмур впервые видела такую многочисленную толпу и столь усиленную охрану. Она была благодарна стражникам Вариана, которые помогли расчистить путь сквозь давку, образовавшуюся у входа, и провели саму Джайну, Калесгоса, Вариана, Андуина и Верису к их местам.

Лидеры Орды уже разместились на трибунах. На фоне сдержанных представителей Альянса они выделялись яркими одеждами и кожей всевозможных оттенков. Их голоса звучали резко и громко.

Августейшие небожители поступили мудро, отведя места посередине тем, кто не относится ни к Орде, ни к Альянсу, создав таким образом физический барьер на тот случай, если обстановка накалится. Джайна с удивлением отметила, что там сидит знакомая эльфийка с длинными красными волосами. На ее миловидном лице застыло выражение страдания. Сердце Джайны сжалось от сочувствия.

– Алекстраза, – тихо произнесла она.

– Я думал, она не придет, – вздохнул Кейлек, садясь рядом. – Суд будет для нее тяжелым.

Джайне казалось, что Алекстраза, великая Хранительница Жизни и бывший Аспект драконов, выше судебных разбирательств и тонкостей правосудия младших рас. Даже перед лицом немыслимых ужасов и потерь она всегда держалась с достоинством, проявляла храбрость, доброту и сочувствие. Сидевшая рядом зеленая драконица Изера, сестра Алекстразы, держала ее за руку и с почти детским любопытством оглядывалась по сторонам.

– Алекстраза должна здесь быть, – сказала Джайна. – Не ради помощи суду, а ради себя самой. То же самое касается и меня.

– Смотри, Гневион здесь, – отметил Андуин.

Его присутствию Джайна удивилась не меньше и, проследив за взглядом Андуина, с любопытством посмотрела на того, кто был больше известен под прозвищем Черный принц. О нем знали немногие, и мало кому было известно его истинное происхождение.

– Значит, – начала Джайна так тихо, что услышать ее мог только Андуин, – представители всех драконьих стай в сборе.

Гневион, судя по всему, был единственным черным драконом, которого не поразило безумие. Его, сына Смертокрыла, спасли от ужасающего влияния Древних богов еще до рождения. Джайна не могла не признать: пусть в этом Гневиону и повезло, его жизнь нельзя было назвать простой.

Род красных драконов под началом Алекстразы искала способы очищения черных собратьев. Драконица Реастразы, пытаясь справиться с этой задачей, прибегла к радикальным мерам. Она похитила самку черных драконов и заставила ее откладывать яйца. Объединив усилия с гномьим изобретателем, Реастраза сумела очистить от безумия, поразившего весь род, только одно яйцо. Смертокрыл в ярости уничтожил его, но все оказалось не так просто. Предполагая

подобный исход, Реастраза подменила очищенное от безумия яйцо на собственное, пожертвовав, таким образом, и своей жизнью, и жизнью нерожденного дракона.

Гневион, еще находясь в скорлупе, обладал разумом и был прекрасно осведомлен обо всем, что происходило вокруг. Кроме того, он понимал, что будет всю жизнь находиться под неусыпным надзором со стороны рода красных драконов. Черному принцу удалось «освободиться», когда его яйцо украли. Затем он вылупился и оказался вдали от красных драконов. Никто не знал, каким образом Гневиону удалось избавиться от похитителей, но, как бы то ни было, теперь он, живой и невредимый, сидел здесь и, кажется, не демонстрировал признаков безумия.

Андуин и Гневион встретились в Пандарии и стали друзьями. Впрочем, принц Альянса признавал, что их отношения скорее строились на разнице во взглядах.

Возраст Гневиона определить было затруднительно. Фактически он являлся двухлетним ребенком. Однако, будучи драконом, Черный принц отличался острым умом и мудростью, а на вид казался не старше юного Андуина.

Джайна испытывала по отношению к принцу Альянса материнские чувства, а потому относилась к его новому другу с подозрением. С одной стороны, ровесников в окружении Андуина можно было пересчитать по пальцам. С другой же стороны, Джайна опасалась, что Гневион мог оказать на молодого человека дурное влияние. И, как ни странно, вовсе не потому, что был черным драконом. До того, как Нелтариона, больше известного под именем Смертокрыл, охватило безумие, он выполнял обязанности Аспекта Земли, демонстрировал мудрость и всегда готов был встать на защиту Азерота. Гораздо сильнее Джайну беспокоили высказывания Гневиона, которыми делился Андуин. Она также обратила внимание, что Черный принц сел как можно дальше от Алекстры. Учитывая его прошлое, это было вполне понятно.

Гневион выглядел совсем как человек, пусть и выделялся на фоне остальных из-за необычного наряда – шароваров, мундира и тюрбана. Слева от него сидела орчиха с неизменно сердитым выражением лица, справа – столь же суровая человеческая женщина. Гневион улыбнулся Андуину, а затем перевел сияющие глаза, выдававшие его истинную природу, на Джайну. Он склонил голову и снова улыбнулся, на этот раз так, словно заметил нечто забавное. Джайна задумалась, что именно развеселило Черного принца.

Стражи-пандарены, стоявшие неподалеку, всем своим видом выражали терпение и казались спокойными, словно водная гладь горного озера. Тем не менее при необходимости они были готовы в мгновение ока ринуться в бой. В воздухе, словно туман, витало присутствие барьера, подавляющего магию, ни у кого из присутствующих не было оружия, а потому, если кто-то решит прибегнуть к насилию, ему придется воспользоваться кулаками.

– Так знакомо, – еле слышно произнес Вариан.

– Что именно? – уточнила Джайна.

– Всё, – ответил Вариан, кивнув в сторону трибун, заполнявшихся зрителями. – То же самое было, когда я сражался на гладиаторских аренах. Народ жаждет крови.

– Сегодня они ее не дождутся, – сказала Вериса.

Она могла бы добавить: *«Если справедливость восторжествует, кровь прольется по окончании суда»*, но промолчала.

– Надеюсь, – кивнул Вариан. – Если начнется хаос, все усилия пойдут прахом. Кроме того, многие погибнут напрасно.

Джайна перевела взгляд на арену. Бейн и Тиранда уже заняли места за столами и ожидали начала заседания. Это Джайну не удивило. Гораздо любопытнее было присутствие еще двух участников, которые так же, как и все, дожидались прибытия Тажаня Чжу, небожителей и Гарроша. Джайна узнала Хроми, невероятно могущественную бронзовую драконицу, которая выбрала самое милое воплощение из всех возможных. А вот красивый высший эльф, с которым та беседовала, волшебнице был незнаком. Они расположились чуть в стороне за неболь-

шим столом, на котором стоял накрытый тканью предмет. На обоих были надеты накидки, символизовавшие принадлежность к роду.

Пока Джайна размышляла, что здесь делают бронзовые драконы и какое участие они примут в суде, в храм вошел пандарен в традиционной длинной мантии. В руках он держал знамя Шадо-Пан. Пандарен трижды ударил древком по полу, и толпа, замолчав, расселась по местам.

– Мы, жители Пандарии, свято чтим законы. Их соблюдение позволяет исправить ошибки и, тем самым, восстановить баланс. Сегодняшний день особенный. Впервые за долгую историю Пандарии в суде примут участие чужаки. Прежде чем начать разбирательство, мы всегда называем имя подсудимого, а также имя или имена тех, кто будет его судить. Итак, со всей ответственностью объявляем начало суда над Гаррошем Адским Криком за преступления против народов Азерота. Прошу всех встать и отдать дань уважения Августейшим небожителям, которые внимательно, с открытым сердцем выслушают все обвинения, а также Тажаню Чжу, главе Шадо-Пан, который выступит в роли судьи и проследит за исполнением закона.

Присутствующие встали. На балкон грациозной походкой вошли Чи-Цзи, Сюэнь, Ньюцзао и Юй-лун. Несмотря на непривычные воплощения, от красоты и изящества небожителей у Джайны, как и всегда, перехватило дыхание. Она успела спросить Аису про неожиданную внешность божеств Пандарии. Аиса пояснила, что это дань уважения Орде и Альянсу.

Красота и уникальность небожителей заключались не в облике, а в исходящей от них энергии. Тажань Чжу, смертное существо, не казался таким далеким, но, тем не менее, излучал невероятную мощь и спокойствие. Он подошел к приготовленному для фа-шуа стулу, взял небольшую колотушку и трижды ударил в гонг. Звук эхом разнесся по храму.

– Можете садиться, – произнес Тажань Чжу чистым и тихим голосом, который, тем не менее, услышал каждый в огромном помещении. – Прежде чем сюда приведут подсудимого, я хочу предупредить присутствующих, что не потерплю беспорядков во время проведения суда. Любой, кто нарушит правила, будет заключен под стражу до окончания разбирательства. Добавлю также, что все доказательства будут представлены необычным образом, который соответствует беспрецедентной ситуации.

Тажань Чжу кивнул бронзовым драконам. Те поднялись со своих мест и убрали ткань, скрывавшую песочные часы.

Джайна сразу же поняла, что именно будет происходить. Голоса, объяснявшие принцип работы Видения времени, потонули в глухом рокоте, наполнившем ее уши. На мгновение Джайна потеряла способность дышать. Она вновь тонула, совсем как тогда...

Ее руку кто-то крепко сжал, и от неожиданной боли Джайна вернулась в настоящее. Она беззвучно и глубоко вдохнула, от чего воздух тут же наполнил легкие. Рокот стих, и лишь сердце Джайны билось часто, как у загнанного зверька. Она повернулась к Кейлеку и поймала внимательный взгляд. На красивом лице возлюбленного отразилось беспокойство. Джайна облизнула губы, кивнула и беззвучно произнесла: *«Все в порядке»*.

Калесгос в это вряд ли поверил, но все же ослабил хватку. Джайна несколько раз медленно и глубоко вдохнула. Тем временем, бронзовые драконы закончили объяснения и отступили.

Тажань Чжу кивнул страже.

– Можете привести узника.

Эти три слова имели эффект разорвавшейся бомбы. Все в зале напряглись, тысячи глаз обратились к двери, ведущей наружу и вниз, к темницам.

На арену вошел Гаррош Адский Крик в сопровождении шести стражников – тролля и таурена из Орды, Стража ночных эльфов и дренея-воздаятеля из Альянса, а также двух самых крупных пандаренов из всех, что доводилось видеть Джайне. На Гарроше не было привычной брони – клыков демона, убитого его легендарным отцом Громмашем. Вместо этого бывший

вождь Орды предстал перед судом в робе и простой обуви. Одежда явно была ему не по размеру, обтягивая массивные плечи и грудь. Коричневую кожу Гарроша покрывали татуировки и паутина из темных узоров – след влияния ша. Его шею, запястья и ноги сковывали цепи, толщиной превосходящие руку Джайны. Из-за них и из-за травмы ноги походка Гарроша была неуклюжей и шаркающей. На его лице не отражалось ни страха, ни высокомерия, только безразличие.

На мгновение в храме повисла полная тишина, нарушаемая лишь звоном цепей и звуком шагов стражников.

А затем воцарился хаос.

Представители Альянса, Орды и даже нейтральных фракций вскочили на ноги. Некоторые бросились к балконам, начали выкрикивать оскорбления и размахивать кулаками. Идея с барьером, подавляющим магию, нравилась Джайне не больше, чем остальным, но прямо сейчас она была благодарна тем, кто его установил. Она бы не обрадовалась, если бы Гарроша растерзала разъяренная толпа. Джайна хотела, чтобы орк услышал и, благодаря артефакту бронзовых драконов, увидел все им содеянное. Понял бы, сколько горя и ненависти принес. Осознал бы, что настроил против себя *всех* жителей Азерота.

С легким стыдом Джайна также осознала, что, раз уж не может убить его сама, не хочет, чтобы эта честь досталась кому-то из толпы.

Реакция пандаренов была молниеносной. Стражи на трибунах в большинстве своем были монахами, а значит, сами их тела были оружием. Они быстро подавили волнения и вывели кричавших из зала. Стражники подняли оружие, окружили Гарроша, встав к нему спиной, и со спокойными лицами осматривали толпу.

Ту же невозмутимость продемонстрировали разве что Тажань Чжу, небожители и сам подсудимый. Лицо орка, покрытое татуировками, казалось высеченным из коричневого камня.

В голосе Тажаня Чжу звучала явная угроза:

– Все вы видели, что случается с теми, кто мешает проведению суда. Нарушившие порядок будут содержаться под стражей до окончания разбирательства. После их отпустят. То же самое будет с любым, кто отступит от главного правила и в дальнейшем.

Он кивнул стражникам, и те вернулись в исходную позицию. Гарроша подвели к помосту, на котором сидел Тажань Чжу. Два массивных пандарена-стражника встали позади. Джайна знала, что при необходимости они в мгновение ока подавят очередную вспышку агрессии. Остальные четыре стражника поклонились Тажаню Чжу и вышли. Некоторое время глава Шадо-Пан молча разглядывал подсудимого.

– Гаррош Адский Крик! Мы обвиняем тебя в военных преступлениях, в преступлениях против живых существ и Азерот, а также в злодеяниях, совершенных от твоего имени и имени твоих союзников.

Гаррош стоял неподвижно, не проронив ни слова.

– Тебе в вину вменяется следующее, – продолжил Тажань Чжу. – Геноцид, убийства, насильственное изгнание народов, похищения...

Одно только перечисление отвратительных преступлений привело Джайну в ярость. Она взглянула на Вол'джина и других лидеров Орды. Джайна слышала о том, как тяжело пришлось троллям в период правления Гарроша, и знала, что бывший вождь хотел сделать с их предводителем.

– ...обращение в рабство, похищение детей, пытки, убийство пленников, принуждение к деторождению...

Андруин поморщился, и Джайна поняла почему. Она не забыла, что пришлось пережить Хранительнице Жизни Алекстразе и роду красных драконов. Кейлек, сидевший рядом, напряженно замер. Джайна посмотрела на него, желая поддержать, и поймала ответный взгляд. Калесгос, прекрасно зная, какое обвинение будет следующим, взял ее за руку.

Джайна приготовилась к худшему.

– ...варварское уничтожение городов и деревень, не представлявших военного или гражданского интереса.

Вечноцветущий дол.

Терамор.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание, Гаррош Адский Крик?

Гаррош по-прежнему молчал, и Джайне на мгновение показалось, что столь прямое перечисление преступлений смогло разбудить что-то в его душе. Она помнила, что бывшего вождя приводили в ярость те, кто убивал от его имени невинных, и знала, что даже враги уважали Гарроша за преданность оркам. Когда-то его также превозносили за верность идеалам чести.

Джайна смотрела на Гарроша не дыша, не решаясь даже моргнуть. Она не знала, чего хочет сильнее – услышать мольбы о прощении или гробовое молчание, которое избавило бы всех от угрызений совести во время казни.

И вдруг Гаррош улыбнулся, а затем неторопливо захлопал в ладоши, насколько того позволяли кандалы.

– Представление только началось, – заговорил он, ухмыляясь, – а я уже аплодирую стоя. Это будет повеселее Ярмарки Новолуния! – Его презрительный смех эхом разнесся по залу. – Не скажу, что я повинен в этих преступлениях, дабы не навлечь на себя позор, но и убеждать всех в своей невинности не стану. Давайте повеселимся!

Присутствующие во второй раз вскочили со своих мест и, казалось, готовы были идти по головам, чтобы добраться до Гарроша и задушить его голыми руками. Джайна бессознательно схватилась за подлокотники и приподнялась с сиденья. Она опомнилась, только когда Кейлек и Вариан насильно усадили ее обратно.

– Не вставай, любовь моя, – настойчиво прошептал Калесгос, и Джайна осознала, что только что готова была присоединиться к бушующей толпе. Она сжала кулаки и села. На лбу ее выступил пот.

Тем временем Тажань Чжу явно потерял терпение. Он несколько раз ударил в гонг и выкрикнул приказы пандаренам. Из храма вывели еще больше представителей Орды и Альянса, которым теперь предстояло до самого окончания суда томиться в заключении и размышлять над причинами своей несдержанности.

Как только все успокоились, по-прежнему невозмутимый Тажань Чжу обратился к Гаррошу:

– Поскольку твои слова не привнесли ничего нового, суд пройдет в запланированном порядке.

Глава Шадо-Пан кивнул стражникам, и те отвели орка к свободному стулу рядом с Бейном, где он и должен был сидеть во время разбирательства. Несмотря на кандалы, Гаррош казался расслабленным, непокорным и самоуверенным. В тот момент Джайна возненавидела его так сильно, что взрыв сброшенной на Терамор мана-бомбы показался бы пламенем свечи по сравнению с ее гневом.

6

Андуин не удивился ядовитым речам и высокомерному поведению Гарроша, но, тем не менее, ощутил разочарование. Многие были бы удивлены такой реакцией, ведь молодой принц сильно пострадал от его действий и едва выжил.

Под конец своего правления бывший вождь Орды стал одержим идеей любой ценой накопить как можно больше магических ресурсов и артефактов, чтобы победить Альянс. В некоторые поступки, которые приписывали Гаррошу, Андуину верилось с трудом, иным же он сам был свидетелем. В отличие от Вариана Гаррош, стремясь усилить свои войска, обратился к темным силам – ша, которые являлись смертоносным и пугающим воплощением негативных эмоций.

Чтобы достичь своей цели, он похитил Божественный колокол, реликвию могу. Его звон рождал непрерывный и ужасающий хаос. Однако земля Пандарии всегда стремится к балансу, а потому силу колокола мог нейтрализовать Молот гармонии. Андуин восстановил этот артефакт и использовал в битве с Гаррошем. Ударив по колоколу, он превратил диссонанс в гармонию.

Андуин расстроил планы Гарроша, и разъяренный орк ударил по Божественному колоколу своим топором, Кровавым Воем, разбив реликвию могу.

А заодно ранив и самого Андуина.

И вот теперь в каждом участке тела, некогда пораженном осколками колокола, в каждой сломанной кости вновь зародилась боль. Стоило вспомнить о пережитом, и легкий дискомфорт от смены позы перерос в иные, более глубокие переживания. Велен сказал, что эта боль, скорее всего, не пройдет никогда и, возможно, лишь усилится с возрастом.

– Тело не забывает нанесенные травмы. Каждая кость имеет память, – объяснил Пророк, а потом с улыбкой добавил: – Юный принц, вознесите хвалу Свету, ведь вы проживете достаточно долго, чтобы собрать множество воспоминаний.

Этого Андуину было достаточно. Молот смог превратить диссонанс в гармонию. Принц верил, что это под силу и разумным созданиям. Ведь то же самое проповедовали дреanei и наару, куда более мудрые создания, чем он сам. Достаточно вспомнить историю Служителей Земли, шаманов всех рас, которые сделали так много, чтобы залечить нанесенные Смертокрылом раны. Объединившись с Кругом Кенария, они занялись восстановлением мирового древа Нордрассил. Андуин видел собственными глазами, что значит работать сообща. В конце концов, каждый по-своему уникален и имеет право на жизнь.

Суд еще только начался. Перечисление злодейств не вызвало у Гарроша никаких чувств, кроме желания поглумиться. Быть может, ситуацию изменит артефакт, созданный бронзовыми драконами?

Юный принц сочувствовал Бейну Кровавое Копыто, которого считал своим другом. Он помнил ту ночь в покоях Джайны, когда таурен был вынужден бежать во время восстания племени Зловещего Тотема. Андуин восхищался Бейном, согласившимся защищать орка, который убил его отца. Он взглянул на Вариана. Интересно, как тот повел бы себя, оказавшись на месте Бейна? Андуин надеялся, что отец держался бы с не меньшим достоинством.

Тем временем Тиранда Шелест Ветра встала из-за стола и вышла в центр арены. На ней было развевающееся одеяние, которое на первый взгляд казалось белым, однако в переливах ткани можно было заметить легкие оттенки лавандового и голубого, жемчужного и серебря-

стого. Этот наряд выглядел просто и одновременно изысканно, совсем как его обладательница. Андуин уже встречался с Тирандой. Из всех лидеров Альянса и даже Орды она пугала его больше всех. При этом Тиранда не казалась ни властной, ни высокомерной. Напротив, она была добра и милосердна.

Андуин видел в Тиранде воплощение прекрасной и лучезарной богини Луны, которой она поклонялась и которую так любил народ ночных эльфов, обитавший в прохладе лесов. Когда верховная жрица впервые обратилась к юному принцу на похоронах Магни Бронзоборода, тот задрожал от легкого прикосновения ее руки к своей щеке. Этот успокаивающий жест казался одновременно искренним и непонятым.

Тиранда молча рассматривала лица присутствующих, как будто собираясь с мыслями. Затем она перевела сияющий взгляд на четырех Августейших небожителей.

– Как обвинитель я обращаюсь прежде всего к присяжным и собравшимся, – начала верховная жрица. Ее громкий голос звучал мелодично, без излишней резкости. – Это право даровано мне, так как мой долг заключается в том, чтобы доказать вину подсудимого. Однако больше всего мне хочется предоставить слово стороне защиты, ведь чжу-шао Бейн Кровавое Копыто принял на себя гораздо более сложную задачу.

Грациозной походкой Тиранда прошла по арене. Ее длинные зеленые волосы развевались за спиной, а лицо лавандового оттенка было обращено к присутствующим.

– Сегодня Гаррош Адский Крик сделал мне огромное одолжение. Он не только признал вину за свои гнусные преступления, но и показал, что гордится ими, тем самым оскорбив суд. Все в этом храме, как и, осмелюсь предположить, все жители Азерота, пострадали от деяний этого орка.

Тиранда взглянула на Гарроша и, хоть выражение ее лица почти не изменилось, Андуин различил лишь отвращение.

– Моя задача заключается в том, чтобы доказать вину Гарроша по всем предъявленным пунктам, и не только. Для меня это честь и, пусть мрачная, но радость. Я намерена продемонстрировать всем вам, что свои злодеяния подсудимый совершал в здравом уме, полностью осознавая, что они принесут лишь муки, страдание и разрушение.

Тиранда замолчала и повернулась к столу, за которым сидели Хроми и Кайроз. Прижав руки к груди, там, где билось сердце, она низко поклонилась.

– Я выражаю благодарность роду бронзовых драконов за то, что предоставили мне более важный инструмент, чем просто слова, к звучанию которых легко привыкнуть, и дали возможность *показать*, как на самом деле разворачивались события. Вы собственными глазами увидите, как Гаррош Адский Крик плел интриги. Услышите его ложь. И, в конце концов, станете свидетелями его предательства.

Гаррош даже не пытался перебивать. Тиранда продемонстрировала жесткую стратегию обвинения. Было видно, что она не успокоится, пока не добьется своей цели. Андуин предполагал, что Гаррош в ответ на такое не сможет сдержаться. Но получилось иначе.

Тиранда, если и была этим разочарована, хорошо скрывала свои чувства. Ее точеные ноздри затрепетали, и она вновь оглядела толпу. На этот раз голос жрицы звучал мягче, в нем чувствовалось сострадание, которое она проявила и к Андуину в их первую встречу.

– Я знаю, некоторые видения будут ужасающими, ведь многие из вас лично пострадали от действий Адского Крика. Я искренне прошу у вас прощения за боль, которую невольно собираюсь причинить, но верю: еще хуже было бы, если бы я не приложила все усилия, чтобы привлечь этого орка к ответственности.

Тиранда поклонилась четырем божествам, присутствие которых, несмотря на их молчание, ощущал каждый.

– Августейшие небожители, вы мудры и милосердны. Эти качества вызывают у меня глубочайшее уважение. Прошу вас, подарите всем нам правосудие, которого мы так жаждем. При-

знайте Гарроша Адского Крика, бывшего вождя Орды, виновным *во всех совершенных злодеяниях*, во всех преступлениях против мирных жителей, народов и самого Азерота и назначьте самую строгую меру наказания – смерть. *Shaha lor'ma...* Спасибо.

Андуин, до этого неосознанно задерживавший дыхание, выдохнул. Аплодировать в суде было запрещено, но, если бы не это правило, наверняка большинство присутствующих захлопало бы, выкрикивая слова одобрения. На Гарроша, между тем, пронзительная и мощная речь жрицы не произвела никакого впечатления.

Тиранда вернулась на свое место. На ее щеках расцвел румянец, а спина была прямой, словно меткая эльфийская стрела. Тажань Чжу кивнул:

– Спасибо, чжу-шао. Слово предоставляется защитнику.

Бейн не был столь же спокоен и энергичен, как Тиранда. Верховный вождь, держась с достоинством, медленно встал, низко поклонился Августейшим небожителям и развернулся к трибунам.

– Обвиняемый Гаррош Адский Крик назвал этот суд представлением. Я с этим не согласен и не вижу поводов для веселья, а потому не стану обманывать присутствующих, утверждая, будто подсудимый невиновен. Меньше всего мне хотелось бы навлечь на себя презрение, поэтому я не буду пытаться убедить вас, что Гаррош находился под влиянием заблуждений и был неправильно понят. Я не стану просить снисхождения, не стану умолять вас взглянуть на его преступления под другим углом. Для начала я проясню один очень важный момент. – Бейн выпрямился в полный рост и глубоко вдохнул, демонстрируя всем собравшимся, что он воин, правитель, сын верховного вождя. – Гаррош Адский Крик убил моего отца. Это известно многим из вас. И все же теперь я выступаю в роли защитника ненавистного мне орка. Почему? Все просто. Как и фа-шуа Тажань Чжу, Августейшие небожители и все жители Азерота, я хочу добиться того самого правосудия, о котором столь красноречиво говорила моя коллега, верховная жрица ночных эльфов. Более того, я считаю, что сделал *правильный выбор*.

Бейн прошелся по арене, с вызовом глядя на присутствующих, как будто ожидая, что кто-то из них попытается возразить.

– Мы не станем относиться к Гаррошу так, как он отнесся к нам. Мы не будем ставить превыше всего свои желания и потребности. Мы не позволим слепой жажде насилия и мести затмить разум в попытках вернуть утраченную славу нашим народам. Мы выше этого. Мы лучше, чем *он*, – Бейн указал на Гарроша Адского Крика, наблюдавшего за всем происходящим с довольной ухмылкой. – И *поэтому* мы прислушаемся к разуму и сердцу и вынесем вердикт, который наши потомки сочтут правильным и справедливым.

Бейн развернулся к трибунам, где сидели представители Альянса, встретился взглядом с Андуином, затем с Варианом и Джайной Праудмур.

Джайна хмурилась, между ее бровей залегла морщина. Андуин знал, что такое выражение обычно появлялось на ее лице в минуты раздумий, однако теперь было ясно: волшебница недовольна словами Бейна.

– И все мы, а не только я и Августейшие небожители, должны открыться. Мы будем звать не к разбитым сердцам, а к мудрости. Я слышал, многие говорили, что не допустят, чтобы Гаррош вышел сухим из воды. Если вы действительно этого хотите и жаждете справедливости, пощадите его. Любое живое существо может измениться и сделать хоть что-то, чтобы исправить свои ошибки. Спасибо.

Бейн поклонился и вернулся на место.

Его речь встретили гробовым молчанием. Андуина это не удивило. Выполняя свою задачу, верховный вождь тауренов не просто поднимался в гору, но взбирался по отвесной скале.

– Объявляю часовой перерыв. После обеда суд заслушает первого свидетеля, – объявил Тажань Чжу, ударил в гонг и встал.

Все присутствующие последовали его примеру. Через какое-то время зазвучали взволнованные голоса, на арене стало шумно. Кто-то был зол, кто-то радовался, и все, *все* без исключения были настроены против Гарроша.

Андуин попытался встретиться взглядом с Бейном, но тот отошел, чтобы поговорить с Кайрозом. Его жесты казались сдержанными, а на лице застыло мрачное выражение. Некоторое время юный принц внимательно наблюдал за тауреном, которого считал своим другом. Ему хотелось подойти и выразить поддержку. Возможно, однажды он так и поступит. Затем Андуин перевел взгляд на Гарроша и замер.

Орк смотрел прямо на него с непроницаемым выражением лица. Под холодным испытующим взглядом ладони Андуина взмокли, в груди что-то сжалось. Юный принц вспомнил ту битву.

Вспомнил, как, ударив в колокол, превратил хаос в гармонию. Как повернулся к Гаррошу и рассказал о молоте. Вспомнил его ярость.

– *Сдохни, щенок!*

А потом...

На плечо легла чья-то рука. Андуин вздрогнул и тут же залился краской, осознав, что это всего лишь его отец.

– Ты в порядке? – спросил Вариан и, проследив направление взгляда сына, недовольно хмыкнул. – Пойдем, нам нужно пообедать. Ты вовсе не обязан на него смотреть, если не хочешь.

Несмотря на ужас, который пронзил его при взгляде на Гарроша, Андуин вдруг понял, что, напротив, хочет на него смотреть. Слова Бейна все еще звучали в его ушах, находя отклик в сердце. Кроме того, бывший вождь Орды сейчас вовсе не злорадствовал. Напротив, он склонил голову в знак уважения, а затем позволил стражникам увести себя на трапезу.

– Я в порядке, отец, – сказал Андуин и добавил: – Не волнуйся, ты поступил правильно. Вариан сразу понял, о чем речь. Глядя вслед Гаррошу, он поджал губы.

– Теперь я в этом уже не уверен. Совсем не уверен.

7

Во время перерыва Го'эл решил привести в порядок мысли. Он взял в Пандарию свою волчицу Снежную Песню и теперь был рад возможности прокатиться на ней и подумать. Время не пощадило верного питомца, а потому Го'эл больше не брал волчицу с собою в битвы. Но все же Снежная Песня по-прежнему была сильна, здорова и вместе со своим хозяином радовалась пусть и редким, но энергичным прогулкам. Го'эл оседлал волчицу и направился прочь от храма по извилистой дорожке, любуясь сдержанными пейзажами, которые так сильно напоминали Дуротар.

К груди орка был крепко привязан его маленький сын Дуран. Отцовское тепло и биение его сердца успокаивали малыша. Пока он крепко спал, управляемая Го'элом волчица мчалась к Пэй-Лэй, крохотной деревушке в самом начале Тропы Ревущего Ветра. Орка успокаивали присутствие маленького сына и бьющий в лицо ветер, напоенный сладким ароматом.

Тиранда говорила правду. Чтобы выиграть суд, ей достаточно было являться на все заседания и излагать сухие факты. Однако Го'эла больше всего беспокоил этот артефакт, который позволял увидеть сцены из прошлого. Если некоторым под силу исковеркать смысл слов, то наверняка можно исказить и видения.

Го'эл вспомнил злобные выкрики отдельных представителей Альянса, которые призывали судить всю Орду. Наверняка самые серьезные обвинения предъявят именно ему – за то, что он позволил Адскому Крику получить столько власти.

А ведь все могло бы быть иначе... Го'эл мечтал, чтобы Гаррош гордился своим отцом. Так и вышло, вот только его восхищали не самые лучшие качества. За чрезмерную уверенность Го'эла в силе духа Адского Крика расплатиться пришлось всем народам Азерота. Он и сам задумывался, насколько сильно виноват в случившемся. Гаррош заставил страдать не только тех, чьи жизни оборвал или разрушил, но и саму Орду, защитником которой себя объявил.

Го'эл обратился к стихиям, моля о быстром и справедливом суде. Гаррош и так натворил много зла. Го'эл считал, что порочный круг можно разорвать лишь с его смертью.

Он поднял руку и сильнее прижал к себе Дурана. Прошное исправить нельзя, не стоит даже пытаться. Изменить можно только будущее. И Го'эл знал, что от этого суда зависит многое, едва ли не все.

Коснувшись подбородком макушки сына, он поклялся самому себе сделать все возможное в борьбе за будущее. Чего бы это ни стоило.

* * *

– Чжу-шао, вы можете вызвать первого свидетеля.

Тиранда кивнула:

– Представляю вниманию суда свидетельские показания Пророка Велена, лидера дре-неев.

Го'эл стиснул зубы. Агтра, сидевшая рядом и державшая на руках Дурана, судорожно вдохнула.

– Я много слышала об этой эльфийской жрице и была о ней лучшего мнения, – обратилась Аггра к мужу. В ее тихом голосе звенела ярость. – Похоже, ненависть, которую орки питают к ночным эльфам, и правда взаимна.

– Ее намерения нам неизвестны, – произнося это, Го'эл понимал, что пытается успокоить не только Аггру, но и себя.

– По-моему, все ясно и так, – возразила Аггра.

Го'эл не ответил. Он наблюдал за тем, как Велен, невероятно древний выходец из другого мира, который однажды проявил доброту к юному орку по имени Дуротан, с достоинством и изяществом приблизился к отведенному для свидетелей месту. Пророк был самым высоким из всех дренеев, которых доводилось встречать Го'элу, но казался несколько более хрупким по сравнению с мускулистыми собратьями. Велен не носил броню, лишь простую мантию из мягкой ткани белого и пурпурного цветов, которая, казалось, развевалась сама по себе при каждом его движении. Его глаза, обрамленные глубокими морщинами, излучали мягкий голубоватый свет, в густой бороде, ниспадавшей почти до самого пояса и напоминавшей Го'элу могучую волну, виднелись короткие щупальца, украшенные золотыми кольцами.

Бейн тоже внимательно смотрел на Велена. Го'эл достаточно хорошо знал таурена, а потому заметил, что тот застыл, напрягшись всем телом, в ожидании опасности.

Однажды Го'эл написал историю своих предшественников. Мало у кого из оставшихся в живых орков события прошлого сохранились в памяти, а потому в итоге получилась разрозненная летопись. По их венам текла демоническая кровь, питая ненависть и мешая мыслить. Когда Велен прибыл в Азерот, его народ, как и ожидалось, решил присоединиться к Альянсу. Го'эл вспоминал об этом с грустью и горечью. Он мечтал поговорить с Веленом, задать важные вопросы, как когда-то делал отец, но эта встреча состоится лишь тогда, когда в Азероте воцарится мир и народы начнут доверять друг другу. Го'эл понимал, что Гаррош сделал такое счастливое будущее практически невозможным, хотя Орда и объединилась с Альянсом, чтобы его свергнуть.

– Пророк Велен, – начала Тиранда официальным тоном, – в этом храме вы должны говорить правду и только правду. Таков завет предков народа Пандарии, чьим законам мы следуем, стремясь к гармонии.

– Чьи законы мы *читим*, – негромко поправил жрицу Тажань Чжу.

Тиранда едва заметно покраснела.

– Прошу прощения, фа-шуа Тажань Чжу. Чьи законы мы чтим, стремясь к гармонии. Даете ли вы слово говорить правду?

– Даю, – без промедления ответил Велен. Даже в одном слове, произнесенном звучным голосом, чувствовались тепло и доброта. Велен сложил руки на коленях и выжидающе посмотрел на Тиранду.

– Пророк, я уверена, все присутствующие знают, что вы были свидетелем злодеяний прошлого, – начала Тиранда.

«Началось, – подумал Го'эл. – Теперь она очернит всех нас, припомнит каждую каплю крови, пролитую за эти годы».

Бейн вскочил со своего места.

– При всем уважении, я протестую, – крикнул он. – Фа-шуа, мы собрались здесь, чтобы судить одного орка, а не целую расу.

– При всем уважении, лорд Чжу, – ответила Тиранда, – защитник совсем недавно говорил о большой любви Гарроша к своему народу. Именно поэтому я хочу познакомить присяжных с историей орков. Небожителям известно многое, но они ничего не знают о Дреноре. Понимание образа мыслей орков и их прошлого сыграет важную роль в принятии решения, которого все мы так ждем.

– Я согласен со стороной обвинения, – сказал Тажань Чжу.

Бейн, слегка прижав уши, склонил голову, соглашаясь с решением судьи, и сел.

– Благодарю, – продолжила Тиранда. – Пророк, не могли бы вы кратко рассказать о себе.

– Мое имя Велен. По мере сил я на протяжении многих тысячелетий являюсь правителем своего народа. Мы бежали из родного мира, Аргуса, спасаясь от Пылающего Легиона, и много веков назад прибыли на Дренор, который стал нашим новым домом. Оттуда, как вы все знаете, мы попали в Азерот.

– На Дреноре вас ждал теплый прием? – спросила Тиранда.

– Оттуда нас никто не прогонял, – ответил Велен. – Орки и дренеи в течение долгого времени сосуществовали мирно.

– Можно ли утверждать, что ваш народ и орки веками жили на Дреноре, почти не общаясь, ведя мирную торговлю и уважая друг друга?

– Да, вполне.

Верховная жрица взглянула на Хроми. Та кивнула в ответ и встала. Кайроз остался на своем месте, внимательно наблюдая за происходящим.

– Разрешите представить суду первое видение Велена.

Хроми забралась на стол. Из-за низкого роста в выбранном воплощении иначе дотянуться до Видения времени было невозможно. Тем не менее никто не посмел посмеяться над драконицей, пусть она и казалась такой милой и веселой. Руки Хроми действовали с ловкостью, присущей гномам, облик которых она так любила принимать.

Глаза дракона, обернувшегося вокруг верхнего сосуда часов, распахнулись.

Трибуны тихо и взволнованно забормотали. Дракон тем временем поднял голову, встряхнулся, как будто пробуждаясь ото сна, и обхватил сосуд передними лапами. Песок внутри часов сперва начал излучать тот же золотистый свет, что и глаза дракона, а затем посыпался в нижний сосуд. Между тем бронзовый дракон, обвивавшийся вокруг него, оставался неподвижным.

Глаза Хроми, использовавшей магию, которой владел только ее род, излучали свет. Она вытянула вперед миниатюрную руку. Из нее появилась туманная струйка цвета песка и добралась до центра арены, где, извиваясь, словно змея, принимая различные формы, наконец, превратилась в огромные фигуры. Сияющие бронзовые силуэты постепенно наполнялись красками, пока не превратились в двух юных орков с коричневой кожей, покрытой потом и пылью.

С приоткрытыми ртами и расширившимися от удивления глазами они разглядывали дренейского воителя, облаченного в сверкающие латные доспехи. Дрений казался обеспокоенным. Юные орки же явно не испытывали страха – на их лицах отражалось лишь потрясение.

Го'элу эти двое были знакомы.

Его разум наполнился воспоминаниями. Го'эл вновь испытал удивление и гордость, как после рассказа Дрек'тара о его прошлом. Почувствовал радость от встречи с родителями в одной из альтернативных, изломанных временных линий и боль, которую ощутил, наблюдая за их гибелью. И вот теперь, сам став родителем, он жадно вглядывался в еще такое юное лицо своего отца. Го'эл повернулся, чтобы взять на руки сына, и обнаружил, что Аггра, предчувствуя это, сама протянула ему Дурана. Взгляды супругов, наполненные любовью и пониманием, на мгновение встретились, затем Го'эл прижал к себе сына и продолжил вглядываться в видение.

– Пророк, – заговорила Тиранда, – можете ли вы рассказать суду, кого мы здесь видим?

Велен вздохнул и едва заметно ссутулился.

– Могу, – грустно произнес он. – Хотя я и не был непосредственным свидетелем событий, этих троих я знаю.

– Кто они?

– Дрения зовут Ресталаан, он был моим другом и капитаном стражи Телмора. Юные орки – Оргрим, который позже будет известен как Молот Рока, и Дуротан, сын Гарада.

– Подобные встречи были частыми?

Велен покачал головой, от чего его щупальца зашевелились.

– Нет. Эта стала первой. Мы вели с орками торговлю, но прежде еще ни разу не видели юных представителей их народа.

– Как произошла эта встреча?

– Юные орки спасались от огра. Отряд дрениев пришел им на помощь. Ресталаан, капитан стражи, был поражен тем, что эти два орка принадлежали к разным кланам и все равно оставались друзьями. Мы были знакомы с местными обычаями и знали, что среди их народа такое встречалось нечасто. Возвращаться домой было поздно и опасно, поэтому Ресталаан послал гонцов, чтобы предупредить кланы, и пригласил орков остаться у нас в городе до утра. Капитан стражи подумал, что мне будет любопытно с ними встретиться, и оказался прав. Я отужинал с юными орками, счел их умными и достойными.

Го'эл вспомнил рассказ Дрек'тара об этой встрече. Старый орк не был свидетелем событий и знал о произошедшем по рассказам. Го'эл был рад, что Дрек'тара не было рядом и он не мог воскресить в памяти это мгновение, за которым последовало столько ужасов.

– Вы упомянули город под названием Телмор. Его было легко найти?

– Нет, – ответил Велен. – Он был скрыт от чужих глаз с помощью магии и развитых технологий. Орки ни за что бы не нашли Телмор, если бы мы не пригласили их сами.

– Разрешите представить суду второе видение Велена, – Тиранда кивнула Хроми.

Драконица, от рук которой исходило медово-золотистое свечение, сделала нужный жест. Предыдущее видение растворилось в воздухе, и ему на смену пришло другое. Сверкающие Пески времени в часах вновь, песчинка за песчинкой, начали падать, и перед глазами Го'эла появилось новое воспоминание.

– Вот мы и на месте, – произнес Ресталаан.

Он спешил с талбука кобальтовой расцветки, встал на колени и смел в сторону покрывавшие землю листья и сосновые иголки, как будто в поисках чего-то. Обнаружив красивый зеленый кристалл, Ресталаан аккуратно коснулся его ладонью.

– *Kehla men samir, solay lamaa kahl.*

Лес вокруг озарился сиянием. Сначала Го'эл подумал, что с Видением времени что-то не так, а затем заметил, что фигуры остались на месте. Юный Дуротан раскрыл рот от удивления. Сияние стало интенсивнее, а затем внезапно на месте густого леса появилась широкая мощеная дорога, которая вела вверх, в горы.

– Мы находимся в самом сердце территории огров. Однако очень давно, когда этот город строился, они здесь еще не жили, – пояснил Ресталаан, вставая с колен. – Если огры нас не видят, то не могут напасть.

– Но... как? – спросил Дуротан.

– Простая иллюзия, только и всего. Игра света. Глазам не всегда можно доверять. Мы думаем, будто все то, что мы видим, реально, будто свет всегда падает под одним и тем же углом. Но им, как и тению, получив определенные знания, можно управлять. Произнеся нужные слова и прикоснувшись к кристаллу, я изменил угол, под которым свет падает на горы, деревья и все, что нас окружает. Теперь вы видите то, чего не замечали раньше, – Ресталаан по-доброму усмехнулся. – Идемте, мои новые друзья. Идемте туда, где еще ни разу не бывал никто из вашего народа. Я приглашаю вас в свой дом.

Видение застыло и растворилось в воздухе. Песчинки перестали падать из верхнего сосуда. Бронзовый дракон вновь принял первоначальное положение, закрыл сияющие глаза и превратился в обычное украшение. Второй же дракон, напротив, очнулся и потянулся, а затем обхватил лапами нижний сосуд, который должен был охранять.

– Ресталаан раскрыл секрет, рассказал Дуротану и Оргриму, как дрение защищали свой город. Удалось ли оркам сохранить это в тайне? – тихо спросила Тиранда.

Го'эл знал ответ.

– Нет, – с болью в голосе ответил Велен.

– Что произошло?

Велен глубоко вздохнул. Взгляд его обратился к трибунам, где собрались представители Орды, в поисках Го'эла. Когда Пророк заговорил вновь, он, казалось, обращался не к жадно ловившей каждое слово толпе, а к сыну того юного орка, которого однажды принимал в своем городе.

– Годы спустя орки были обмануты Нер'зулом, а позже преданы Гул'даном. Я искренне верю, Дуротан чувствовал огромную вину за то, что...

Тиранда перебила его, при этом нежно улыбаясь:

– Ваше сочувствие достойно уважения, Пророк, но, прошу, излагайте только факты.

Эта фраза неприятно поразила и разозлила Аггтру.

– Она не дает ему выразить свои чувства! Почему Бейн не протестует?

Бейн и впрямь молчал. Он сидел, прижав уши к голове, что для Го'эла было явным признаком недовольства происходящим.

– Потому что Тиранда задает правильные вопросы. Бейн еще скажет свое слово, любовь моя, не переживай.

Тем не менее Го'эл полностью разделял гнев своей жены.

Велен кивнул:

– Хорошо. Вот факты: годы спустя Дуротан возглавил атаку орков на Телмор.

– Благодарю вас, – сказала Тиранда. Она развернулась, оглядела сидящих на трибунах и наконец обратилась к четверем небожителям. – Должна предупредить: то, что вы увидите, будет жестоким и ужасающим. Но предательство и бойня иных чувств вызвать не могут.

И вновь Бейн промолчал. Го'эл с горечью осознал, что Тиранда по-прежнему не нарушила ни единого правила.

Стоило отдать ей должное, обвинительница выглядела расстроенной тем, что ей предстояло сделать. Тем не менее она продолжила:

– Итак, третье видение Велена – взятие Телмора орками.

Пески времени пришли в движение, и перед присутствующими появилась новая сцена. Го'эл увидел уже взрослого, такого знакомого Дуротана. Хоть он и не видел это облачение прежде, сразу понял, что на предводителе клана Северных Волков надета броня, которая десять поколений передавалась от вождя к вождю. На тяжелых пластинах, соединенных цепями, спереди были изображены два белых волка мордами друг к другу. «Эти доспехи должны были достаться мне, – подумал Го'эл. – А однажды и Дурану, если на то была бы воля судьбы».

Но все вышло иначе. Доспехи были утеряны (Оргрим считал, что их кто-то подобрал и взял себе или разрушили стихии), а сам Го'эл вырос, будучи рабом людей. Орде, особенно под началом Гарроша, предстояло ответить за множество преступлений, но и Альянс не был непогрешим.

Дуротан и несколько других орков, готовых к битве, стояли в лесу из предыдущего видения. Оргрим, выглядевший почти таким же, каким Го'эл его запомнил, подошел к своему другу и наблюдал за тем, как Дуротан ищет что-то на земле. Го'эл, как и все остальные, понимал, что это было.

Дуротан встал, держа в руке изящный зеленый самоцвет.

– Ты его нашел, – заметил Оргрим. Дуротан кивнул и с камня перевел взгляд на лица орков.

– По местам, – приказал Оргрим. – Повезло, что нас еще не обнаружили.

Дуротан немного помедлил, а потом произнес роковые слова:

– *Kehla men samir, solay lamaa kahl.*

Иллюзия, скрывавшая Телмор от посторонних глаз, медленно рассеялась, и на ее месте возникла широкая мощеная дорога, простиравшаяся вдаль и манившая вперед.

Внезапно вся арена храма превратилась в поле боя. Его масштабы впечатляли и даже подавляли. Орки верхом на закованных в броню волках, обнажив оружие, неслись вперед с боевыми кличами. В воцарившейся какофонии слышался вой огромных зверей. Орки стали главными героями разыгравшейся сцены. Бежавший вперед, поднимая облака пыли, отряд резко контрастировал с безмятежной обстановкой города. На смену панораме пришли отдельные сцены. Вот группа жителей замерла на полпути. Происходящее застало дрениев врасплох, они даже не пытались бежать или защищаться. А вот увенчанные рогами головы полетели с плеч под ударами мечей и топоров. Все случилось так быстро, что с лиц синеккожих дрениев не успело сойти удивленное выражение. Кровь цвета индиго была повсюду, ее брызги покрывали броню и коричневую кожу орков, застыли в густом меху волков. Звери оставляли кровавые следы.

В шум битвы вплетались крики ужаса и мольбы на певучем дрейском наречии. Воины Дуротана неслись вперед, а за ними по пятам следовали тогда еще только появившиеся чернокнижники, которые насылали на группки испуганных и безоружных дрениев огонь, тени и проклятия.

Некоторые орки врывались в здания, преследуя тех, кто по наивности пытался искать там убежище. Несколько секунд спустя покрытые кровью воины выходили, спускались по ступеням и искали следующих жертв.

Но теперь жители Телмора обрели защиту. Стража дрениев отбивалась с помощью магии, природу которой нападавшим понять было не под силу. Серебристо-белые, лазурные и лавандовые лучи отбивали заклинания чернокнижников тошнотворные, сопровождаемые вспышками тошнотворного зелено-желтого цвета. Бойцов ближнего боя заметить было трудно, но Го'эл все равно смотрел только на своего отца. Как будто следуя за его взглядом, видение сосредоточилось на Дуротане и его противнике со светящимся синим мечом.

То был Ресталаан.

Он что-то прокричал (слов Го'эл не разобрал), схватил Дуротана и сбросил с волка. Тот от неожиданности не смог вовремя среагировать и упал на землю. Ресталаан опустил меч, но Дуротан успел поднять топор.

Черный волк Дуротана бросился на защиту своего хозяина и сомкнул сильные челюсти на руке дрениев. Сияющий меч выпал из руки Ресталаана, и топор Дуротана опустился, разрубая броню и плоть. Ресталаан упал на колени, волк усилил хватку, а из раны полилась кровь. Дуротан нанес второй удар, положив конец агонии капитана стражи. Так погиб Ресталаан, который когда-то помог вождю клана Северных Волков, раскрыв секреты своего города.

Го'эл решил, что на этом отвратительное видение должно закончиться, что Тиранда более чем ясно доказала свою точку зрения. Он бросил взгляд на верховную жрицу, стоявшую со сложенными на груди руками и наблюдавшую ужасающие картины, которые демонстрировались суду по ее приказу. Тиранда не спешила подавать знак об окончании, и сцена ужасающей резни продолжилась.

Орки яростно прорывались сквозь Телмор. Го'эл вдруг понял, что смерть Ресталаана, которая произвела чудовищное впечатление на присутствующих, была лишь прелюдией к истинному плану Тиранды. От этой мысли все у него внутри сжалось.

8

Трупов было так много, что порой орки спотыкались о них на пути к новой жертве. Почти все сражались в ближнем бою. Дуротан, как и его товарищи, был покрыт кровью. Он быстро наносил удары и обращался с топором с невероятной точностью. Битва казалась настолько реалистичной, что Го'эл, заметив надвигающуюся угрозу, выкрикнул предупреждение. И не только он.

Кто-то подскочил к сражавшемуся Дуротану. Го'эл с бессильным ужасом наблюдал за происходящим.

Это был ребенок, девочка с едва наметившимися формами, которой не суждено было стать женщиной.

Го'эл сразу понял, что лишь благодаря своей искусности в обращении с оружием Дуротан не разрубил ее на части. Он знал, насколько это было сложно, и весь напрягся, наблюдая за тем, как отец в последний момент изменил направление удара. Девочка же бесстрашно бросилась на огромного, закованного в броню, вооруженного орка и голыми кулаками стала бить его по ноге. Отчаявшийся ребенок решился на поступок, который наверняка приведет к гибели. Го'элу редко доводилось видеть подобную смелость.

Но Дуротан не стал наносить удар, он никогда бы не поднял руку на беззащитное создание. За него это сделал другой.

Девочка замерла. Ее сверкающие глаза расширились, а из приоткрытого рта хлынула кровь. Го'эл ощутил на своих щеках слезы ярости. Убийца нанес удар со спины, ткнул копьем в сторону, бросил бездыханное, корчившееся в конвульсиях тело на землю и прижал его ногой. Затем выдернул копье и ухмыльнулся охваченному отвращением Дуротану.

– За тобой должок, Северный Волк, – сказал он, один из орков клана Изувеченной Длани.

Видение показало убитую девочку крупным планом, а затем растворилось в воздухе.

Го'эл вспомнил похожую сцену, на этот раз из своего прошлого. В тот момент он недавно сбежал от своего хозяина Аделаса Блэкмура и проходил испытания орков клана Песни Войны. Перед ним поставили человеческого мальчика, который был еще моложе, чем погибшая девочка-дренейка.

– Ты знаешь, что делать, – сказал Искар. – Они – наши враги. Убей мальчишку, прежде чем он успел вырасти и убить тебя.

– Но это ребенок!

Всего лишь испуганный мальчик, не более. От нахлынувших воспоминаний сердце Го'эла забилося чаще.

– Если откажешься, тебе не выйти из этой пещеры живым.

– Я лучше умру, чем совершу такой бесчестный поступок!

Тогда за Го'эла вступился Гром Адский Крик, отец Гарроша, самый свирепый и яростный из народа орков.

– Я убил множество детей людского племени, – сказал Гром Искар. – Мы отдали все, что имели, сражаясь без жалости, и где мы теперь? Наш народ, униженный, сломленный, томится в лагерях и даже не пытается освободиться, не то что защищать других. И все из-за того, как мы вели войну в прошлом.

Тиранда поступала именно так, как Агтра и Го'эл боялись, – искажала истину. Хладнокровное убийство маленькой девочки отнюдь не характеризовало *природу* орков.

Обвинительница не дала присутствующим опомниться от пережитого ужаса. Почти сразу перед ними возникла следующая сцена. Было ясно, что события происходили в тот же день, но позже. Орки, покрытые запекшейся кровью, стояли в некогда прекрасных покоях, полностью разгромленных, заваленных сломанными стульями и разбитыми вещами.

– Что делать с выжившими дрениеями? – спросил кто-то у Дуротана.

– Убить, – прохрипел тот. – Убить всех.

Видение застыло и медленно растворилось в воздухе. Песок в часах больше не светился.

– Лорд Чжу, у меня больше нет вопросов, – произнесла Тиранда, а затем с высоко поднятой головой, едва сдерживая ярость, вернулась на свое место в полной тишине.

* * *

Андуин наблюдал за происходящим с приоткрытым от ужаса ртом. Разумеется, все эти события ему, как и многим другим, были известны. Вдобавок, он прожил среди дрениеев достаточно долго, чтобы узнать об этом больше многих. Лишь теперь Андуин понял, сколько страшных, болезненных для себя подробностей того жуткого дня скрывали дрениеи, щадя его. Его ладони стали липкими от пота, а руки задрожали.

Глядя на Велена, который теперь казался старше и печальнее обычного, юный принц понял: пророк горевал и о погибших дрениеях, и об орках, которые устроили ту резню. Андуин знал дрениеев достаточно хорошо, чтобы это почувствовать. Столько невинных жертв, столько орков, которым пришлось жить с осознанием содеянного.

– Сын мой, если бы я только мог избавить тебя от ужасов войны, – произнес Вариан. Андуин заметил выражение мрачного сочувствия на его лице. – Все это отвратительно. И только что перед нами предстала война в самом ее чудовищном проявлении.

Во рту Андуина пересохло. Он не нашел в себе сил спорить с отцом. Да, война отвратительна, но в видении они видели отнюдь не ее кровавый лик. Честный бой предполагал участие двух равных, хорошо вооруженных и подготовленных сторон. Произошедшее в Телморе совсем не подходило под это определение, ведь там произошла, не больше и не меньше, бойня с уничтожением невинных. Так и не оправившись от шока, Андуин взглянул на ту часть трибун, где сидели представители Орды. Никому из них, даже оркам, увиденное не доставило удовольствия. Пусть не все были поражены жестокостью, каждый признавал: в произошедшем не было чести. Кто угодно мог вырезать мирных безоружных жителей.

Бейн подождал некоторое время, а затем встал, намереваясь произнести речь. Он склонил голову, демонстрируя почтение.

– Пророк, я уверен, это видение было для вас болезненным. Мне жаль, что сторона обвинения сочла необходимой эту, по сути, ненужную демонстрацию жестокости.

– При всем уважении, я протестую! – прокричала Тиранда.

– Я согласен с обвинительницей. Защитник, впредь воздержитесь от истолкования мыслей свидетеля.

– Конечно, фа-шуа. Это было неправильно, приношу свои извинения. Пророк, не могли бы вы рассказать, что думаете об увиденном?

– Вам не стоило извиняться, чжу-шао Кровавое Копыто, я бы и сам выбрал те же слова, – проговорил Велен. – Мне действительно было больно наблюдать за происходящим.

– Не могли бы вы сообщить суду, что именно оказалось самым болезненным?

– Конечно, бессмысленная смерть невинных, в числе которых были дети.

Бейн кивнул:

– Разумеется. Это все?

– Нет. Мне также больно думать о том, что вышестоящие силы заставили действовать вопреки своей природе благородных и честных существ.

– Вы имеете в виду Дуротана?

– Да.

– Вы считаете, что он не получал удовольствие от участия в резне?

– При всем уважении, я протестую, – вмешалась Тиранда. – Свидетель не может знать, что чувствовал Дуротан.

Судя по всему, Бейн ожидал такого поворота и не выказал удивления. Он обратился к Тажаню Чжу:

– С разрешения суда мне хотелось бы продемонстрировать события, которые сторона обвинения предпочла не показывать.

– Продолжайте, – разрешил тот.

Бейн кивнул Кайрозу. Бронзовый дракон, который был значительно выше своей напарницы Хроми, встал и ловкими движениями пальцев вернул артефакт к жизни. Перед присутствующими еще раз появились Дуротан с его волком, юная дрениейка и ее убийца. Видение застыло на ужасающем моменте – копье прошло сквозь тело девочки, из ее рта хлынула кровь.

Андуин хотел было отвести взгляд, но усилием воли сдержался. Зачем же Бейн это показывал?

Вдруг сцена ожила. Девочка упала на землю, забившись в конвульсиях, а орк выдернул копье.

– За тобой должок, Северный Волк, – сказал он.

Тиранда оборвала видение именно на этом моменте, перейдя к следующему, в котором Дуротан безжалостно приказывал убить всех оставшихся в живых дрениев.

Но теперь все, кто присутствовал в храме, увидели, что лидер Северных Волков с ужасом смотрел на труп девочки, слышали, как протяжно, отчаянно, безысходно и яростно он взвыл, даже не пытаясь скрыть сожаление. Дуротан поднял голову, и на этом моменте вмешался Бейн:

– Останови здесь.

Все знали, что орки редко плачут, но по лицу Дуротана текли слезы. Его рот был приоткрыт в безмолвном рыдании. В храме воцарилась тишина.

Видение исчезло. Спустя некоторое время Бейн продолжил:

– Пророк, не могли бы вы рассказать суду, как сейчас относитесь к оркам?

– При всем уважении, я протестую, – сказала Тиранда.

– Я согласен с защитником, – возразил Тажань Чжу. – Свидетель может ответить.

Велен не торопился и явно подбирал слова. Когда он заговорил, его голос был полон скорби.

– Я рад, что им удалось избавиться от влияния крови Маннорота.

– А знаете ли вы, кто освободил их от этого проклятья?

– Гром Адский Крик, отец Гарроша, – ответил дренией.

– Итак, верите ли вы, что любое живое существо может измениться? – уточнил Бейн. – Даже Гром Адский Крик.

– Верю. Всем сердцем верю.

– Даже *Гаррош* Адский Крик? – не отступал Бейн.

– При всем уважении, я протестую! – выкрикнула Тиранда уже в четвертый раз. – Защитник снова пытается манипулировать свидетелем.

Бейн со спокойным лицом повернулся к Тажаню Чжу.

– Фа-шуа, сторона обвинения в своих доказательствах приводила ту же мысль.

– Я согласен с обвинительницей, – ответил Тажань Чжу. – Защитник, вы не имеете права просить свидетеля строить догадки. Перефразируйте.

Бейн кивнул:

– Итак, по вашему мнению, орки столкнулись с серьезными трудностями и преодолели их. Изменились ли они?

– Да, – ответил Велен. – Я лучше многих знаю, как сильно может быть влияние демонов, – грустный голос пророка выдавал его истинный возраст.

– У меня больше нет вопросов, – сказал Бейн.

Тиранде же, очевидно, было что сказать. Она подошла к дренею, которого ранее вызвала в качестве свидетеля, с холодным выражением на красивом лице.

– Пророк, у меня только один вопрос. Пожалуйста, отвечайте коротко, не пытайся строить предположения. Находились ли Дуротан и другие орки под влиянием крови Маннорота во время нападения на Телмор?

– Нет, – ответил Велен.

– То есть они были в здравом уме, и Дуротан *сам* принимал решения?

– Да, – неохотно ответил пророк.

Тиранда даже не пыталась скрыть свой триумф.

– Спасибо. Вопросов больше нет.

* * *

Тажань Чжу объявил часовой перерыв, мудро рассудив, что всем необходимо покинуть храм и отвлечься от только что увиденного, иначе очередная партия протестующих отправится в темницы до окончания суда.

Андуин извинился перед Джайной, Кейлеком и отцом, сказав, что ему нужно подышать свежим воздухом и размять ноги, которые все еще восстанавливались после травмы. На самом деле он хотел сбежать.

Перерыва бы не хватило, чтобы отправиться в Причуду Камнетеса, его любимое место в Пандарии. Давным-давно каменщики вырезали ступени, которые вели в никуда. Взбравшийся по ним мог лишь полюбоваться великолепной панорамой. Никто не знал, зачем это было сделано. Андуину же нравилась сама идея. Это место дарило ему покой и позволяло насладиться красотами Пандарии. Но теперь ему оставалось пойти разве что на небольшую смотровую площадку храма, подальше от любопытных глаз.

Это место представляло собой ответвление от секции для монахов и мастера Лао. В период проведения суда их и ворчливого кузнеца по имени Черная Стрела попросили не приходить в течение дня, а потому здесь Андуин наконец-то остался в одиночестве.

Горный воздух бодрил и освежал, на снегу, покрывавшем землю тонким слоем, оставались следы. Смотровая площадка со всех сторон была окружена массивными цепями, предохранявшими неосторожных посетителей от падения. На западе можно было разглядеть древние, покрытые снегами горы. Их пики касались облаков и были окутаны туманами. На востоке виднелись два небольших храма, окруженных вишневыми деревьями, и статуя могучего Сюэня.

Андуин взглянул прямо, на юг. Отсюда открывался вид на безмятежный храм и просторы Пандарии – картина, как будто вышедшая из-под кисти искусного живописца. Юный принц уже не в первый раз ощутил себя здесь под защитой и задумался, почему в этом чуждом ему и обычаям его народа месте он чувствует себя как дома.

– Могу я присоединиться или ты хочешь побыть один? – раздался юный бархатистый голос, который был Андуину знаком. Он улыбнулся и повернулся к Гневioniу, стоявшему в проеме арки.

– Конечно, можешь. Только, боюсь, сегодня из меня плохой собеседник.

– Верховная жрица Шелест Ветра, точнее, чжу-шао Шелест Ветра, подобрала весомые доказательства, – сказал Гневioniу, встав рядом и сцепив за спиной руки. Он посмотрел вперед, как будто заинтересовавшись пейзажем. Андуин знал, что это не так.

– Твоя правда, – ответил юный принц.

– Но все же она не сообщила нам ничего нового, – продолжил Гневион. – Все и так ненавидят Гарроша. Зачем использовать в качестве доказательства события, которые произошли еще до его рождения? Любопытная стратегия.

– Я бы так не сказал, – возразил Андуин. – Ее доказательства красноречивы: оркам не следует оправдываться тем, что в прошлом они выпили демоническую кровь. Гаррош ведь не подвергался ее влиянию.

В случае с ним дело было вовсе не в крови Маннорота, а в жажде власти и упоении чужими страданиями, столь сильным, что Андуин даже не мог вообразить его глубину.

– И все же он совершил ужасающие поступки, – протянул Гневион, хмурясь и задумчиво поглаживая небольшую бородку. – Однако если Тиранда и дальше продолжит очернять весь народ из-за одного его представителя, последствия будут печальными. Здесь нужно больше нюансов.

– Ты всегда так говоришь, – не сдержавшись, раздраженно ответил Андуин.

Он задрожал и обхватил себя руками. Юный принц забыл надеть плащ, ведь в храме, нагретом теплом тел и жаровен, было совсем не холодно. Сцена убийства дренейской девочки взволновала его гораздо сильнее, чем казалось на первый взгляд.

Гневион в ответ только рассмеялся. Из его рта вырвалось облачко пара.

– Да, ведь я прав. Нет ничего незыблемого, принц Андуин. Сегодня два народа союзники, завтра – враги, – он указал на горы широким взмахом руки. – Даже земля меняется. Огонь вспыхивает, а потом прогорает до углей. Сейчас воздух спокоен, а через минуту разразится ураган. Реки и океаны всегда находятся в движении. Не бывает непреложных истин.

Андуин поджал губы. Гневион был неправ. Совершенно неправ. Существуют прописные истины, которые не меняются. Некоторые поступки *всегда* кощунственны, вне зависимости от обстоятельств. Например, убийство невинных.

– Если все так непостоянно, как некоторым удастся создать что-то долговечное? – поинтересовался Андуин. Этот простой вопрос прозвучал, как измученная мольба.

– У непостоянства множество граней, – возразил Гневион. – Камни и вода находятся в вечном движении, но, если с их помощью построить дом, ты едва ли утонешь.

Андуин помолчал. В его голове мелькали разные мысли, столь же глубокие, сколь и неутешительные. Наконец он повернулся к Черному принцу и тихо спросил:

– Гневион, мы ведь друзья?

На этот раз Гневион искренне удивился, и Андуина это обрадовало. Дракон склонил покрытую тюрбаном голову на бок и поджал губы, обдумывая вопрос.

– Да, – сказал он наконец, – друзья. Если у такого, как я, они вообще могут быть.

Последнее замечание вызвало у Андуина печальную улыбку.

– Тогда... может быть, мы постоим тут немного молча. Как настоящие друзья?

– Почему бы и нет, – согласился Гневион.

И они замолчали.

9

– Назовите свое имя и расскажите, что именно вы продаете, – попросила Тиранда.

В качестве второго свидетеля она вызвала крепкого орка средних лет с кожей необычного светло-зеленого оттенка. На его голове не было ни единого волоска, зато лицо украшала густая черная борода.

– Мое имя Кор'хус. Я выращиваю и продаю грибы в Оргриммаре.

– Как называется ваш магазин и где он находится?

– «Темная земля», в Расселине Теней.

Тиранда грациозной, скользкой походкой прошла по арене. Ее руки были сложены на груди, а высокий лоб сосредоточенно нахмурен.

– «Темная земля», – повторила она с излишним пафосом. – Расселина Теней. Звучит зловеще. Или даже... неуместно. Возможно, именно это и привлекло к вам внимание вождя?

Тиранда выбрала тон, в котором чувствовалась агрессия, и Кор'хус разозлился.

– Мои грибы подавали к столу двух вождей! – рявкнул он. – Они обращали внимание только на ассортимент магазина. До недавнего времени.

– Разрешите представить суду и присяжным события, о которых упоминает Кор'хус.

Хроми вновь активировала Видение времени. Перед трибунами возник Кор'хус, стоящий на коленях и собирающий грибы. Отвернувшись от входа и полностью сосредоточившись на работе, он не видел, как посетители отодвинули занавесь. Тем не менее, ощутив чужое присутствие, Кор'хус нахмурился и развернулся.

– Останови, пожалуйста, – попросила Тиранда, и Хроми подчинилась. – Кор'хус, не могли бы вы рассказать, кто эти орки?

– Мне известно имя только одного из них, но я знаю, что все они были бойцами Кор'крона. Орка из клана Черной горы с тремя пальцами на руке и шрамом во все лицо зовут Малкорок. Точнее, звали.

Вопрос Тиранды был простой формальностью, ведь большинство присутствующих и так узнало бывшего лидера Кор'крона. Малкорок, чью серую кожу украшала алая боевая раскраска, для многих был воплощением дурной славы орков клана Черной Горы. Его знали все, и все презирали.

– Спасибо. Хроми, пожалуйста, покажи, что было дальше.

– На вывеске ведь написано, – сказал Кор'хус из видения. – Магазин закрыт до завтра. – Закончив фразу, он сильнее сжал нож, которым работал.

– Мы пришли не за грибами, – мягко ответил Малкорок. Он и еще четыре орка зашли внутрь. Один из них опустил занавесь, – а за тобой.

Такого Кор'хус явно не ожидал.

– Что я сделал? – спросил он. – Я честный торговец, на мою работу еще никто не жаловался. Сам вождь Гаррош ест мои грибы!

– Именно из-за вождя мы и здесь, – пояснил Малкорок, сделав пару шагов вперед. Кор'хус не отступил. – Ты плохо о нем отзываешься. Как знать, может, однажды выяснится, что твои грибы не так уж хороши?

Наконец-то разобравшись в происходящем, Кор'хус нахмурился.

– В Орде рабов нет. С мнением каждого стоит считаться! Я имею право осуждать решения своего вождя. Это ведь еще не делает меня заговорщиком.

Малкорок склонил голову набок и многозначительно постучал пальцем по подбородку, сделав вид, будто обдумывает слова торговца.

– Нет, – наконец сказал он. – Не имеешь.

Малкорок схватил запястье Кор'хуса трехпалой рукой. Судя по всему, его хватка, несмотря на увечье, была сильной – торговец выронил нож и с трудом задышал. Малкорок, явно получая удовольствие от происходящего, привычным жестом заломил руку своей жертвы назад и с громким щелчком сломал ее. Остальные четверо орков со смехом бросились вперед, очевидно, опасаясь, что не успеют повеселиться. Казалось, они всего лишь развлекаются в таверне, а не избивают беззащитного противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.